Орёл и Дракон

Автор:
Ник Перумов

Орёл и Дракон

Ник Перумов

Миры УпорядоченногоГибель богов – 2 #7

Никто не верил, что этот день придёт, но он настал – День Гнева, День Рагнарёка, День гибели Богов, когда рушится само мироздание.

Братьев-богов Хедина и Ракота, хранителей равновесия, больше нет в Упорядоченном. Теперь – каждый сам по себе. Древние боги и смертные чародеи, подмастерья Хедина и Хаген, тан хединсейский, Спаситель и лекарь из ниоткуда Фиделис, Дальние и загадочная Третья Сила – все сошлись лицом к лицу в последней битве.

Фигуры расставлены для финальной партии, но кто сделает первый ход? И все ли доживут до сражения?

Ник Перумов

Гибель Богов-2. Книга седьмая. Орёл и Дракон

© Перумов Н., 2018

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2018

* * *

Синопсис, или Что было раньше

После окончания событий, описанных в романе «Война мага», Новым Богам Упорядоченного, Хедину и Ракоту, казалось, что настала мирная передышка. Два мира – Мельин и Эвиал – были спасены, слившись так, что на их месте возник новый мир. Спаситель, явившийся в Эвиал, был отброшен, хоть и не побеждён. Пленённая в Западной Тьме волшебница Сигрлинн, возлюбленная Хедина, вырвалась на свободу. Пал коварный Архимаг Игнациус, заманивший было Хедина и Ракота в ловушку, пал и гениальный, но безумный чародей Эвенгар Салладорский, мечтавший достичь божественности. Предавшая Хедина эльфка-вампирша Эйвилль погибла тоже, оставив в руках Нового Бога ценнейший артефакт, залог Дальних, данный ей как доказательство серьёзности их намерений.

Боевой маг Долины Клара Хюммель сумела вытащить из Эвиала одного из хранителей кристаллов магии, дракона Сфайрата. Ей удалось отыскать тихую гавань, мир под названием Кимма, где они и зажили как муж и жена, успев родить четверых детей, ибо время там текло быстрее, чем, к примеру, в Обетованном или даже в Мельине.

Однако мирной передышки не получилось. Планы Хаоса и Дальних Сил были сорваны, но полного поражения они не потерпели. Подмастерья Хедина вынуждены были вступать в бой во многих местах, удерживая равновесие.

Линия Клары Хюммель

Мирная жизнь Клары Хюммель оказалась нарушена, когда к ней в гости пожаловал странный местный маг, назвавшийся Гентом Гойлзом. Он намекнул, что догадывается о её истинном происхождении; и, хотя на первый взгляд визит его не нёс никакой непосредственной угрозы, Клара забеспокоилась.

Её беспокойство оказалось не напрасным.

В этом же мире оказался эльф-вампир Ан-Авагар, из гнезда уже упомянутой Эйвилль; он служил Хедину, однако службу эту понимал весьма своеобразно, скорее как индульгенцию на кровавые злодейства.

Пытаясь разобраться, что за зло творится в окрестностях родного посёлка, дети Клары и Сфайрата угодили в древнюю ловушку, расставленную неизвестно кем, но явно на «сильных магов». Непонятным для Клары образом этот капкан оказался связан с совсем иным, находящимся в Межреальности и установленным гномами-подмастерьями Хедина, рассчитывавшими «захватить живьём хоть одного Дальнего».

Одновременно уже упомянутый вампир Ан-Авагар, помимо всего прочего, вызвал нашествие подъятых из могил мертвяков на посёлок, где жила Клара с семьёй. Выбирая, броситься ли сразу на поиски детей или вернуться к дому и помочь беззащитным перед мертвяками селянам, Клара поссорилась со Сфайратом, и он один пустился в погоню.

Кларе удалось отразить нападение мёртвых – причём помощь неожиданно для себя оказал и сам вампир, начавший проявлять к Кларе совсем не вампирий интерес; она смогла добраться до ловушки, где были заперты её дети. Однако волшебница не сумела бы пробиться к ним, если б не помощь со стороны странного, но могущественного чародея, назвавшегося Кором Двейном.

Детей Кларе удалось отбить, но при этом она вступила в бой с гномами-подмастерьями Хедина, что изо всех сил спешили к сработавшей ловушке, будучи убеждены, что «захватили Дальнего».

Кор Двейн уверяет её, что теперь она враждует с Новым Богом Хедином, который «подобного не прощает».

В то же самое время девочка Ирма, оказавшаяся в невольных ученицах у Клары Хюммель, попадает в замок к странным магам, «брату и сестре» Кора Двейна по имени Скьёльд и Соллей. Соллей берётся обучать Ирму магии – Клара до этого открыла в девочке немалый талант.

Освободив детей, Клара должна теперь разыскать мужа, дракона Сфайрата, и объясниться с ним.

Вернувшись с детьми в Поколь, Клара обнаружила селение почти полностью разорённым. Страж-кот Шоня, однако, уцелел и сумел сохранить в неприкосновенности дом Клары и Сфайрата. Людям из этих мест помогли перебраться в другие деревни маги Беллеоры, ближайшего большого города.

Клара с детьми и Шоней отправились на поиски Сфайрата.

В Межреальности, однако, их перехватил отряд подмастерьев Хедина под водительством гнома Керрета, того самого, что едва не пленил детей Клары в расставленной «на Дальнего» ловушке. Керрет потребовал от Клары «сдаться»; она отказалась, однако сумела втянуть гнома в переговоры. Никто не знает, чем бы закончилась их беседа, но по какой-то случайности вспыхнула схватка.

Зося, младшая дочь Клары, была тяжело, почти смертельно ранена.

Кларе удалось удержать её на самом краю смерти, однако долго так продолжаться не могло. К счастью, Чаргос, старший сын Клары, смог вовремя привести помощь.

На подмогу подоспел чародей Скьёльд, названый брат волшебника Кора Двейна и чародейки Соллей. Ему удалось спасти Зосю; Клара с детьми оказались в замке Кора Двейна. Хозяин не один раз пытался убедить Клару «встать с ним плечом к плечу» и сражаться «за свободу всего Упорядоченного, ибо боги не имеют права повелевать смертными», но Клара всякий раз отказывалась.

Тем не менее, ощущая себя в долгу перед спасшими её ребёнка чародеями, Клара добровольно решила выполнить их задание. Детей она спрятала на нашей Земле, в закрытом от магии пространстве, где их никак не смогли бы разыскать.

Сама же Клара отправилась в некий мир, где – по слову Кора Двейна – ей предстояло задержать слуг Хедина и добиться, чтобы порталы в этом мире оставались бы открытыми как можно дольше – через них перебрасывались подкрепления на войну.

Кларе удавалось достаточно долго сдерживать подмастерьев Познавшего Тьму, однако в конце концов ей пришлось оставить защиту портала. Она ощущала в глубине этого мира, совершенно обычного и ничем не примечательного мирка странные сгустки силы, дающие странное, ни на что не похожее эхо.

Клара попыталась понять, что же это такое; и даже успела выяснить, что таинственные сгустки образуют нечто вроде линии чудовищного разлома, способного вскрыть не только сам мир, но и Межреальность вокруг него.

Однако в этот миг то ли сработали охранные чары этих диковинных артефактов, то ли вернулись странно искажёнными заклятия самой Клары – но её накрыло тяжким магическим поражением. Бесчувственную, её взяли в плен подмастерья Хедина и попытались доставить в Обетованное.

Лекари-эльфы прилагали все усилия, чтобы спасти Клару, однако она умирала.

Именно такой, умирающей, её и нашёл не кто иной, как вампир Ан-Авагар.

Недолго думая, он выкрал её, чувствуя неизбежность её гибели и поклявшись спасти – любой ценой.

Ан-Авагар доставил бесчувственную чародейку в один из миров, где у него было устроено логово. Мир этот находился в магической «тени» другого, куда крупнее, и закрытого, так что отыскать тут беглецов было бы куда труднее. Волшебница умирала, и вампир прибег к последнему средству, вливая ей в вену собственные эликсиры, созданные для поддержания сил вампирами, а не живыми.

Ему удалось задержать Клару Хюммель на самой грани смерти.

Линия гарпии Гелерры

Полк гарпии Гелерры сражался в Хьёрварде, где неведомые противники бросили в бой мало что понимающих, но жадных до драки быкоглавцев, к которым присоединились низкорослые карлики-чародеи из дикого, не известного никому мира, где их вербовал какой-то странный, но явно очень могущественный маг.

Разбивая воздвигнутый чужими волшебниками щит, Гелерра угодила под непонятное воздействие, лишившее её чувств и перебросившее неведомым образом далеко в Межреальность.

Там она столкнулась с чародеем Скьёльдом, заявившим, что он якобы «спас» её, удержав от падения «в бездну, где кроются корни Мирового Древа». Скьёльд задал гарпии только один вопрос, что выбирает она – свободу или служение. Гелерра гордо ответила, что долг её – служение великому богу Хедину. Чародей, как и обещал, дал ей свободу, однако Гелерра оказалась не в каком-то из миров и даже не в Межреальности, а в странном призрачном месте, похожем на крону исполинского древа, где её, беспомощную, несло сильнейшим магическим потоком, мало-помалу превращая в демона.

В конце концов, охваченную отчаянием, разуверившуюся Гелерру вынесло в некий мир, но уже не крылатой гарпией-адатой, а жутким чудовищем.

Там она столкнулась с неведомым врагом, охотником на демонов, и едва не погибла от его чар. Спасла её чародейка Соллей, оказавшаяся в нужном месте и в нужное время. Спасла и взяла с собой. В замке Соллей и Скьёльд принялись за «излечение» гарпии, как они называли это, утверждая, что они «в долгу» перед Гелеррой и помогают ей просто так.

Попутно Соллей осторожно, не заходя слишком далеко, расспрашивала Гелерру о Хедине и её службе, утверждая, что они с братьями – исключительно «за свободу» и не потребуют с адаты никакой службы взамен. Более того, Соллей уверяла, что, борясь с их врагами-Дальними, она тем самым «споспешествует великому Хедину». Особенно волшебницу интересовал зелёный кристалл, залог Эйвилль, полученный вампиршей от Дальних и найденный потом Гелеррой в Межреальности.

Гелерра никому ничего не обещала, однако её всё чаще посещали мысли, совсем не свойственные верному ученику Познавшего Тьму.

Соллей и Кор Двейн добились успеха – они полностью излечили адату, вернув ей прежний облик и навсегда изгнав овладевшего ею демона. На крыльях Гелерры вновь отрастали прекрасные белые маховые перья, коими она так гордилась и утрату которых оплакивала столь горестно.

Она чувствовала себя покинутой и преданной богом Хедином. Несмотря на все её чувства к нему, он не пришёл к ней на помощь, оставил в беде. Гарпия отчего-то считала, что Познавший Тьму непременно должен был «чувствовать», что с ней стряслось.

Нельзя не добавить, что к выводам этим ей помогли прийти маги Кор Двейн и его названая сестра Соллей.

После того, как адата вновь обрела способность летать, она – как и Клара – решила «вернуть долг» спасшим её чародеям. Кору Двейну требовался зелёный кристалл, залог Дальних, ставший добычей Гелерры, который она потом отдала Хедину.

Не чувствуя себя более связанной с Познавшим Тьму и успокаивая себя тем, что Кор Двейн тоже якобы воюет с Дальними, кои враги и Хедину, Гелерра отправилась к Обетованному.

По пути, уже на ближних подступах, ей встретилось воинство Тьмы, ведомое Ракотом Восставшим, что вновь принял титул Владыки Мрака. Гарпия решила, что Ракот обратился против Хедина; по её мнению, лучшего момента, чтобы добыть кристалл, уже бы не представилось.

Защищавшие Упорядоченное от натиска быкоглавцев, ученики Хедина ничего не заподозрили. Для них это была счастливо вырвавшаяся из плена адата Гелерра, вернейшая из верных. Они пропустили гарпию.

В доме Хедина Гелерре посчастливилось добыть заветный кристалл и выбраться невредимой.

Адата доставила драгоценную добычу Кору Двейну, считая себя обязанной ему помочь. В ответ маг предложил ей оставаться в замке столько, сколько она пожелает, быть его гостьей, добавив, что не сомневается – Гелерра найдёт себе достойное дело.

Но, пока она ожидала таковое, до замка добрался израненный дракон Сфайрат. Он разыскивал Клару Хюммель и детей, он почуял запах пролитой драконьей крови и по этим следам добрался до крепости Кора Двейна. Чародей вместе с названым братом Скьёльдом и сестрой Соллей принял его, помогая в излечении.

Испытавшая жестокое разочарование в своих чувствах к богу Хедину, адата Гелерра почувствовала некоторый интерес к дракону, тем более что он явился к

замку в человеческой своей ипостаси.

Пока тот исцелялся, Кор Двейн предложил Гелерре отправиться вместе с ними в опасный поход – против Новых Магов, которые, как объяснил чародей, были их давними врагами. Гелерра согласилась.

После яростного боя в тайном логове противника Кор Двейн, Соллей и Скьёльд одержали победу, пленив всех своих врагов, кроме лишь одной Царицы Ночи, сумевшей ускользнуть.

Возвращаясь после сражения, Двейн, Соллей и Скьёльд начали обсуждать что-то непонятное Гелерре, о «сработавшем триггере», «идущем разделении» и наступающем «новом порядке», и что Гелерра, если останется с ними, может рассчитывать на «высокое положение» в мире «без богов». Они говорили и о неких «нанимателях», что должны были «явиться за призом», причём Кор Двейн утверждал, что эти неведомые «наниматели» «уже там», в месте, где всё «так, как они хотели – никаких Познавших Тьму и Восставших, никаких Духов Познания и Соборной Души».

Гелерра колебалась, и тогда Соллей шепнула ей, что знает о её интересе к Сфайрату и совсем не против, если он достанется гарпии.

Гелерра возвращалась в замок вместе с Кором Двейном и остальными. Странные слова Двейна о загадочных «нанимателях» её в тот момент не волновали.

Линия Матфея Исидорти

Матфей Исидорти, обычный смертный человек, молодой клирик монастыря Сил Святых в самом обычном мире Упорядоченного, был одержим тягой к постижению тайного и магического. Больше всего его привлекали истории о загадочных демонах и способах повелевать ими – и наконец в руки Матфею попали старинные запретные книги, как раз посвящённые этому.

Молодой клирик оставил монастырь и, после долгого пути, достиг мест, где, согласно анонимному автору, появлялись демоны; там адепт, не обделённый смелостью, мог надеяться познать их и даже подчинить себе.

Матфею сопутствовала удача. Он отразил атаки демонов, хотя схватка с третьим из них забросила его в неведомое подземелье, откуда не было выхода. Призрак, назвавшийся убитым им демоном, предсказал, что, дескать, несмотря на победу Матфея, он тоже обречён, поскольку должен умереть в подземелье от голода и жажды; сам же демон, мол, вынужден убивать потому, что таковым сотворили его Новые Боги.

Тем не менее Матфею удалось вырваться из ловушки – удивительное смещение пространства забросило его в совсем другие места родного мира, где его ждало столкновение с Гелеррой, почти утратившей сознание и терзаемой ужасным голодом, который, как ей казалось, может утолить лишь человеческая плоть. В схватке они оба были близки к смерти: Гелерра – от вызванного рунами Матфея пламени, Матфей – от клыков и когтей «демона»; в этот момент, однако, появились двое спасителей, мужчина и девушка. Девушка-чародейка спасла Гелерру, мужчина – Матфея. Ни гарпия, ни клирик не видели в деталях своих спасителей.

Они были просто спасены.

Как и Гелерра, Матфей нашёл приют в замке Кора Двейна. Сам хозяин стал наставником молодого клирика в магических науках. Помимо этого, Двейн доверил своему новому подопечному опекать очень важную пленницу, заточённую в защищённой могущественными чарами темнице, – Царицу Ночи. Кор Двейн рассказал Матфею, кто она такая и что в заключении находится также и за то, что ради забавы с сородичами – так называемыми Новыми Магами – наводила орды чудовищ на ни в чём не повинных поселян Северного Хьёрварда.

Красота Царицы поразила бедолагу Матфея в самое сердце. Он не понимал, зачем Кор Двейн взвалил на него ещё и эти обязанности, но…

Приказ есть приказ.

И Матфей старался его выполнить настолько хорошо, насколько мог. Очень скоро, однако, он оказался совершенно очарован соблазнительной Царицей, и потребовалось совсем немного времени, чтобы они сделались любовниками.

Тем не менее окончательно голову Матфей не потерял, сообразив, что здесь, в темнице, Царица Ночи в полной его власти и достаточно туманных намёков на возможную помощь в будущем, чтобы добиваться от неё близости.

Однако же он всё равно взялся за расшифровку охранных чар Кора Двейна. Он не сомневался, что получит немалую награду, если сумеет освободить Царицу Ночи и доставить её к родне. Правда, оставалось решить, как ему обезопасить себя, если та же Царица решит отомстить за вынужденные ласки.

Матфей тянул время.

И пока оно тянулось, он стал свидетелем визита в замок Кора Двейна неких очень важных гостей, кои, как выразился сам чародей, «помогали в осуществлении их большого плана».

В замок прибыло четверо мужчин, скрывавших лица под капюшонами; четверо, наделённых огромными силами.

Матфею удалось услышать ведущийся посредством мыслеречи разговор меж гостями и хозяевами, в котором гости именовали Кора Двейна, Скьёльда и Соллей своими «слугами», а Кор Двейн, словно не замечая, убеждал их в необходимости получения некоего «обещанного», без которого план быть исполнен не мог.

Гости должны были получить некую «долю» непонятно чего, причём «без Хедина и Ракота». Матфей также узнал, что именно Кор Двейн и его родня ответственны за появление в Упорядоченном Четвёртого Источника Магии (в дополнение к Урду, Кипящему Котлу и Источнику Мимира) и за небывалый переток силы к Древним Богам, давно влачившим весьма скромное существование.

Неведомые «гости» пообещали, хоть и нехотя, доставить «обещанное».

После этого столь же таинственный «план» будет выполнен.

Воспользовавшись занятостью Кора Двейна и его родни со странными «гостями», Матфей решился осуществить свой замысел – бежать из замка

вместе с Царицей Ночи. Ему удалось – не без невольной помощи самого Кора Двейна – смастерить магическое устройство, в котором он смог бы пронести развоплощённую сущность Царицы Ночи мимо дозорных заклятий и колдовских замков. Больше того, Царица оказывалась в его полной власти, без него она не смогла бы покинуть свою новую темницу.

Его замысел вполне удался, Царица доверилась ему. Матфей рассчитывал на богатую награду от её «родни», после чего намеревался скрыться в каком-нибудь отдалённом мире Упорядоченного.

Однако оказалось, что всё это было подстроено самим Кором Двейном с целью выявить потайное обиталище Царицы и остальных Новых Магов. После того, как они потерпели поражение в схватке с Двейном, Скьёльдом, Соллей и Гелеррой, Кор предложил Матфею награду – «за помощь» в деле нахождения тайного убежища.

Награда была щедрой, Матфею предлагались богатство и свобода… однако он в ответ просто разбил магическое вместилище, где была заключена Царица, выпустив её на волю.

Разъярённый Кор Двейн ударил Матфея ножом, оставив бездыханное тело валяться там, где его настигла смерть.

Линия Древнего Бога О?дина и валькирии Райны, его дочери

После окончания эвиальских событий, когда Старый Хрофт и Райна встретились, бог О?дин начал свою собственную игру. Вместе с Райной он откапывает давно забытые железные обломки, помнящие ещё дни славы Асгарда, и альвийская оружейница Айвли выковывает для Хрофта и Райны новые мечи. О?дин убеждён, что хотя асы пали на Боргильдовом поле, тени их пребывают во владениях великого Демогоргона, и он сможет так или иначе, но вызволить их. Заручившись помощью Яргохора, Водителя Мёртвых, и разыскав волка Фенрира, сына Локи, О?дин с Райной отправляются в опасный путь.

Пробиться в домен Соборного Духа оказалось очень нелегко, однако на помощь Старому Хрофту неожиданно явились Дальние и уже знакомый нам маг Скьёльд, уверяющий, что он, мол, «с роднёй» горячо сочувствует делу Древнего Бога и

готов помочь всем, чем только возможно.

Он действительно помог. Несмотря на противодействие – демонов, чудовищ, бестелесных призраков, – Старому Хрофту удалось пробить для валькирии Райны дорогу в пределы Демогоргона. Ей удалось разыскать асов и вывести их тени из царства смерти, однако это были лишь тени, безвольные и словно бы спящие. Самому же О?дину, Фенриру и Яргохору пришлось выдержать бой с подмастерьями Хедина.

Вернувшись на равнины Иды вместе с тенями асов, Старый Хрофт сумел провести ритуал, возрождающий их в прежней истинной плоти.

Хедину пришлось срочно отправиться к Асгарду, отстроенному по-настоящему, из дерева, камня, стали и злата; Познавший Тьму стал свидетелем последних стадий обряда, закончившегося появлением из альвийского меча, вручённого О?дину оружейницей Айвли, нового ясеня Иггдрасиля, во всём подобного тому, что высился когда-то над изначальным Асгардом, Асгардом Древних Богов, что правили Хьёрвардом.

У подножия ясеня забил новый Источник Магии, родившийся из тёмной пуповины, что вела от покинутого Мимиром Источника Мудрости к неведомой магомеханической системе в глубинах Упорядоченного. Кто устроил всё это, оставалось загадкой.

Видя нарастающий катаклизм, Хедин решил отступить от возрождённого Асгарда. Сигрлинн, требовавшая решительной войны со Старым Хрофтом до полного его низвержения, покинула Познавшего Тьму.

Отыскав во владениях Демогоргона душу своей матери, Райна вместе с Ракотом двинулась в обратный путь по Упорядоченному. Валькирия была преисполнена решимости вернуть матери тело – так же, как О?дин должен был вернуть плоть всем спасённым ею асам. Однако по дороге домой валькирия вдруг ощутила странные эманации, «как до Боргильдовой Битвы», словно бы Древние Боги вновь начали обретать силы.

Спустившись в незнакомый мир, Ракот и Райна оказались лицом к лицу с загадочным Древним, черпающим силы, помимо прочего, и в массовых жертвоприношениях. Вступив с ним в схватку, Ракот, к собственному изумлению,

обнаружил, что Древний куда могущественнее, чем кажется, а силы самого Ракота словно бы претерпели ущерб. После кровавой битвы им удалось пресечь зло, и Ракот поспешил к Обетованному, уведомить Хедина; Райна же отправилась в Асгард.

В Асгарде бог О?дин принимал гостя. Явившийся посланник Дальних склонял О?дина к открытой войне против Хедина и Ракота во главе рати Древних Богов.

«Приведи мне эту рать, и я возглавлю её», – были последние слова Старого Хрофта.

Но прежде, чем обещанная рать достигла Асгарда, к его стенам подоспели отряды Сигрлинн – Ночные Всадницы и рыцари Ордена Прекрасной Дамы.

На защиту Асгарда встала даже столь неожиданная союзница, как Мать Ведьм Гулльвейг, но и ей не удалось остановить чародейку Сигрлинн.

Разбив врата крепости асов, Сигрлинн, приняв облик огненного вихря, ворвалась внутрь и под ветвями возрождённого Иггдрасиля сошлась лицом к лицу со Старым Хрофтом.

Сигрлинн обвинила его в измене и ударе в спину Познавшего Тьму; Старый Хрофт возразил, что никого не предавал, а лишь спасал своих сородичей, сделав то, что должен был сделать давным-давно.

Сигрлинн не приняла его объяснений.

Их рукопашная схватка была в самом разгаре, когда с неба низринулись зелёные кристаллы Дальних, открывая порталы, откуда хлынул поток Древних Богов, собранных, наверное, со всего Упорядоченного.

Дальние сдержали слово, приведя О?дину обещанное воинство. И, кроме того, попытались пленить саму Сигрлинн. Им бы это удалось, если бы не Райна. Валькирия втащила теряющую силы чародейку в раскрывшийся портал – сама не очень понимая, почему она так поступает.

Райна и Сигрлинн оказались в негостеприимном морозном мире, причём чародейка была тяжело ранена. Благодаря новым силам – словно бы вернувшимся к Древним Богам, к которым принадлежала и валькирия, – Райне удалось поставить Сигрлинн на ноги. Они попытались вернуться в привычное Упорядоченное, но выяснилось, что они – в странной изолированной его части, в цитадели Дальних, заполненной исполинскими, космических размеров зелёными кристаллами. «Конструкция», назвала это Сигрлинн. «Конструкция, упорядочивающая себя сама».

Пытаясь покинуть эти жуткие области, Райна и Сигрлинн видели в глубине зелёных кристаллов целые миры, застывшие, постепенно утрачивающие очертания, становящиеся частью поистине невероятного монолита.

Валькирии и волшебнице казалось, что они почти отыскали выход из зловещего лабиринта, когда их обоих погрузил в чёрное беспамятство внезапный магический удар, защититься от которого они уже не могли.

Старый Хрофт в это время пытался вернуть сознание асам, выведенным им из царства Демогоргона. Он глубоко погрузился в новосотворённый Источник, забивший под корнями Иггдрасиля, выросшего из меча альвийской оружейницы; волк Фенрир, жестоко пострадавший во время схватки с Сигрлинн и её воинством, помогал, как мог.

Посланец Дальних ожидал, что Отец Дружин исполнит данное слово и встанет во главе собранного воинства Древних Богов, готового выступить против «узурпаторов» Хедина и Ракота. Жертвуя собственную кровь, Старый Хрофт смог вернуть асам память и сознание, но и сам оказался обречён.

Локи, бог огня, однако, дерзнул бросить вызов его смерти.

Линия Сильвии Нагваль

Последняя из Красного Арка, дочь Хозяина Смертного Ливня, Сильвия Нагваль, после битвы на Утонувшем Крабе смогла выбраться из слившихся миров Эвиала и Мельина. Свободная от всех долгов и обязательств, она решила вернуться в Долину Магов – это место казалось ей наиболее соответствующим её способностям.

Без приключений добравшись до Долины, Сильвия быстро оказалась в числе воспитанниц местной Академии, скрыв свои истинные магические способности. Во время одной из своих вылазок далеко за пределы Долины она заметила отряд во главе со старой знакомой, валькирией Райной, что вёл куда-то целый сонм душ умерших.

Любопытство Сильвии оказалось сильнее всех прочих соображений.

Она последовала за Райной и её спутниками.

Погоня привела её на дорогу мёртвых богов, дорогу, которой следовали к домену великого Демогоргона Древние Боги, павшие от руки Ямерта и его родни, когда те, прозываемые Молодыми Богами (а сами они звали себя «любимыми детьми Творца»), огнём и мечом утверждали свою власть над Упорядоченным.

Здесь были очень сильны эманации Хаоса.

И Хаос сумел овладеть Сильвией.

По дороге ей встретился и очень, очень необычный спутник, назвавшийся «слугой Спасителя». Он и впрямь походил на Спасителя, но только лишь внешне. Он предрёк, что они с Сильвией ещё встретятся, ибо «их миры в опасности», и то, что они якобы задумали, лучше всего делать вместе.

Сильвия не поняла туманных речей. Она прогнала незваного гостя, и тот удалился без гнева, попрощавшись и оставив её одну.

В Долине Магов Сильвию ждал неласковый приём. Ирэн Мескотт почувствовала Хаос в крови Сильвии и попыталась её «очистить». Сильвии удалось вырваться и бежать в окрестные леса; после этого, устроив восстание гоблинов-слуг и ошеломив чародеев Долины мощью дарованной Хаосом магии, Сильвия была вполне демократически избрана главой Совета Долины – и потребовала создания ни много ни мало Империи…

Получив вожделенную власть, Сильвия немедля начала действовать. Захватить ближайший мирок под названием Джерто, уничтожить глупо-жестоких королей,

установить порядок, справедливые подати, извести разбой, а взамен получать из этого мира потребное Долине и прежде всего золото.

Маги Долины, утверждала Сильвия, должны править и получать, а не «зарабатывать» или «наёмничать».

Однако на пути новоявленной правительницы Долины встал старый целитель Динтра. Он же – последний истинный Ученик Хедина, тан Хаген, владыка Хединсея.

Сильвия очертя голову ринулась в схватку – и потерпела полное поражение. Даже Хаос оказался бессилен против Хагена. Ученик Хедина мог бы убить Сильвию, но… оставил ей жизнь с условием, что она станет бить «не кого попало, а кого надо». Захватить Джерто Хедин разрешил, однако следующей целью назвал мир Читающих.

Устроив, насколько это было возможно, подготовку к походу на Джерто, Сильвия решила проникнуть в пустой дом Архимага Игнациуса.

С помощью Хаоса в крови ей относительно легко удалось преодолеть охранные чары и оказаться внутри. Там, в кабинете Архимага, её добычей стал манускрипт под интригующим названием «Теоретические основы и практическая реализация совокупности заклинаний для пленения божественных сущностей любой силы».

Сильвия быстро поняла, какое богатство попало к ней в руки. Разумеется, Динтре она об этом рассказывать не стала. На следующий день её ждало выступление в её первый поход.

Отряду боевых магов Долины удалось относительно легко прорваться в подземные чертоги, где обнаружились нескончаемые ряды странных хрустальных шаров, заполненных жемчужной субстанцией. Маги сумели отогнать разумных обитателей этого места, похожих на изломанные тени. Достаточно быстро удалось понять, для чего служат загадочные шары – в них отражались творимые вокруг заклятия.

В этот момент с Сильвией вступил в разговор посредством мыслеречи некто, представившийся Кором Двейном, чародеем, предлагая «присоединиться к нему» и другим «борцам за свободу». Сильвия решительно отказалась. Пытаясь склонить её на свою сторону, чародей Двейн заявил, что помогает «обитателям этого места» и может доказать искренность своих намерений. Тем, кто направил сюда Сильвию – богу Хедину, например, – некоторое время будет казаться, что миссия её выполнена и хозяева этого мира более никому не помогают своими наблюдениями магией. Через семь дней, решили Кор Двейн и Сильвия, они встретятся в Долине Магов и «поговорят».

Линия Ирмы Нарви

Ирма Нарви, девочка-сирота из того же мира, где нашла временный приют себе и своей семье Клара Хюммель, служила простой подавальщицей в трактире Свамме-гнома, в селении Поколь, по соседству с домом самой чародейки. Случайно обнаружив у Ирмы немалые способности к волшебству, Клара начала учить девочку.

Однако уроки эти обернулись не в добро, а во зло. Ирма угодила в ловушку, расставленную гномами-подмастерьями Хедина, вместе с детьми Клары Хюммель, откуда её спасла волшебница Соллей, названая сестра чародея Кора Двейна. Спасла и помогла вернуться домой; однако там, мстя за все пережитые ранее унижения, Ирма наполовину сожгла родное селение.

Волшебница Соллей помогла ей скрыться, забрав с собой, в замок, где обитала вместе с назваными братьями. Ирма сделалась теперь её ученицей.

Соллей открыла Ирме, что она не просто безродная сиротка, что её отцом был некий чародей по имени Гренн Нарви и девочка унаследовала его силу.

После недолгого обучения Ирме, однако, пришлось вместе с наставницей Соллей выступить против подмастерьев бога Хедина. Чародейка, сперва называвшая Ирму «сестрёнкой» и утверждавшая, что в их замке «нет господ и госпож», перестала возражать, когда Ирма вернулась к привычной для неё почтительности.

В далёком мире Ирме предстояло «защищать порталы», через которые якобы перебрасывались подкрепления, необходимые для войны, что вели Соллей, Кор Двейн и Скьёльд против Познавшего Тьму; но не только. Соллей оставила в глубине земной тверди какие-то странные «закладки», могущественные чары, которые тоже надлежало охранять, «пока не наступит время». Соллей оставила магические капканы, куда Ирме было поручено завести подмастерьев Хедина; однако сама девочка решила, что непременно выяснит, что это за «закладки». Ирма заподозрила, что наставница попросту бросила её здесь, и решила во что бы то ни стало дознаться, что это за таинственные чары – чтобы было чем торговаться за собственную шкуру, если дело обернётся совсем плохо.

Линия Хагена, тана Хединсея, ученика бога Хедина

Отправив в поход Сильвию, тан Хаген также собрался в дорогу. Однако стоило ему покинуть Долину Магов, как он ощутил чьи-то упорные усилия завести его в ловушку и сбить с пути. Хединсейский тан решил не бежать от опасности. Пробившись сквозь возведённые перед ним препоны, он столкнулся лицом к лицу с невесть откуда взявшимся Браном Сухая Рука, которого считал погибшим ещё в самом конце событий, описанных в книге «Гибель Богов».

В том месте, куда привела Хагена извилистая тропа, на могильном камне лежало человеческое тело с лицом самого Хагена, владыки Хединсея.

В пылу ссоры Бран заявил Хагену, что «они» – очевидно, сам хединсейский тан, а также Новые Боги, Хедин и Ракот, – есть «чёрный мор сущего» и «бичи нашей вселенной», а потому он, Бран, явился «заменить Хагена».

Меч хединского ученика пробил горло Сухой Руке, и в этот момент мертвец на могильном камне шевельнулся.

Линия Ракота Восставшего, Владыки Мрака

Ракот вновь подчинил себе источник Кипящий Котёл и Тьму как изначальную субстанцию, возрождая свои Тёмные Легионы. Создав новую армию, он повёл её на помощь осаждённому Обетованному, которое штурмовали армии быкоглавцев и иных племён, служивших Кору Двейну, Соллей и Скьёльду. По пути к цели Ракот встретил Гелерру, однако ничего не заподозрил.

Его Тёмные Легионы ударили в спину войскам, осаждавшим их с Хедином дом.

Армия быкоглавцев и их союзников терпела поражение, воинство Ракота побеждало. Не желая без счёта убивать обманутых, как ему казалось, солдат неприятеля, Владыка Тьмы предложил вражескому предводителю поединок.

Вышедшее против него существо не отличалось ни ростом, ни статью, однако сумело удивить Восставшего, связав того боем и открыв внезапно провал в ткани Межреальности.

Ракот оказался пленён и – предстал перед «судом» Новых Магов. Непонятно было, в какой степени правдива была их похвальба, и, наверное, Восставший сумел бы освободиться, если бы не совершенно новая сущность, заговорившая с ним, сущность, сочетавшая в себе черты старой и недоброй знакомой Нового Бога и чего-то абсолютно иного, или же, быть может, известного, но принявшего невиданную доселе форму.

Она, эта сущность, укоряла Ракота и Хедина за поднятые восстания, за то, что они отказались последовать путём предыдущих Поколений Истинных Магов, нарушив тем самым равновесие и оставив без посвящения Новых Магов, которые теперь не могли сделаться Истинными. Сущность уверяла, что Ракоту и Хедину настала пора исполнить своё предназначение, уступить место другим, приняв судьбу «мелкого лесного духа» или чего-то подобного. Угроза же Дальних, по словам сущности, преувеличена, ибо они подобны жукам-могильщикам, уничтожающим отжившее.

Ракоту же предлагалось, если он не желает становиться мелким лесным духом, сделаться Отцом Тьмы в некоей новой, более совершенной Вселенной, ибо его родное Упорядоченное – несовершенно и должно в свой час умереть. Тьма в нём не имеет прародителя и оттого якобы не может сыграть свою роль.

Ракот выслушал сказанное, всё больше и больше подозревая, что говорит с кем-то из Дальних, а затем попытался освободиться. Ему это удалось, и он бежал, по пути преодолев нечто, напоминавшее гигантский разруб, пролёгший через всё сущее. Однако оказался Ракот в самых отдалённых окраинах Упорядоченного, весьма бедных магией.

…Он не знал, где очутился, но надеялся относительно быстро вернуться.

Линия Хедина Познавшего Тьму

Сознавая, что появление нового, четвёртого Источника Магии необратимо нарушает баланс сил Упорядоченного, Хедин Познавший Тьму пошёл на немыслимое.

Сбросив телесную оболочку, он разделился как бы на три незримых ипостаси. Его истинная суть, средоточие того, что составляло его личность, отправилась прямиком к логову Неназываемого.

Хедин видел, что потоки новосотворённой пустоты ломают иные несчастливые миры, срывая с них так называемые «царства мёртвых», где собирались души умерших. Потоки этих душ устремлялись к Неназываемому и поглощались им.

Хедин проник и за последний барьер, откуда уже не было возврата, в самое логово Неназываемого. Он увидел, что поглощённые Неназываемым души обретают вторую жизнь в виде его жутких слуг, козлоногих.

Познавший Тьму постарался задержать падение поглощённых душ, собирая их вокруг себя.

Однако он знал, что должен вернуться. И там, в бездне Неназываемого, Познавший Тьму нашёл выход.

Он словно бы скопировал самого себя. Один Хедин навсегда оставался за чертой, за порогом Неназываемого. Другого неведомые силы перенесли обратно.

Для того чтобы остановить развал всего Упорядоченного, Хедину пришлось пойти на крайнюю меру – обратиться к вере смертных, мощному, но обоюдоострому оружию. Познавший Тьму спас низвергающийся в бездну Неназываемого мир, и с этого началось его возвращение…

Собрав армию, Хедин выступил через Упорядоченное, торопясь прийти на помощь Обетованному, где оборонялись его подмастерья и куда должен был явиться и Ракот. Двигаясь по Междумирью, он ощутил магические возмущения в одном из близких миров; спустившись туда, Хедин увидел, что мир проходит последний этап «спасения», когда там погибает всё живое. Новый Бог вступил в бой с ангелоподобными существами, слугами Спасителя, от которых узнал, что Спаситель якобы собирает души смертных в себе, дабы уберечь от куда более страшной участи.

Хедин заставил слуг Спасителя отступить, разрушил преграду, не дававшую магии свободно течь сквозь мир и буквально его удушавшую.

Возле Обетованного Хедин убедился, что Тёмные Легионы одержали победу, а Ракот пропал. Своих победителей-подмастерьев Новый Бог послал в Хьёрвард, где также ощущалось сильное возмущение магии, сам же двинулся по следу тех, кто наслал армию быкоглавцев.

Воинство Хедина достигло летающего замка Кора Двейна и осадило его, даже несмотря на его способность двигаться сквозь Межреальность. Хедин не сомневался, что это ловушка, наподобие той, что попытался устроить Игнациус, но считал, что сумеет взломать её, вынудив хозяев лично «явиться за добычей».

Однако скала, на которой стоял замок, внезапно развалилась, открывая гигантское магомеханическое устройство. Оно пробило канал в плоти Упорядоченного, сбросив Хедина и его воинство в отдалённые, исключительно бедные магией области.

Он попытался вернуться обратно в Хьёрвард, но ощутил, что прямой путь разорван, Упорядоченное рассечено и в расщелины ворвался пылающий Хаос.

Линия подмастерьев Хедина Познавшего Тьму

После успешного отражения натиска быкоглавцев на Обетованное подмастерья получили срочное задание – отправиться в Восточный Хьёрвард и выяснить причины магической аномалии в районе торговых городов Бирки и Хедебю.

В городе они обнаружили невесть откуда взявшихся проповедников Спасителя, провозглашавших наступление последних дней, приближение великой армии мёртвых и призывавших всех к покаянию. После конфронтации с одним из таких проповедников к подмастерьям обратился молодой человек, назвавшийся Фиделисом, лекарем, и поведавший, что уже давно ведёт борьбу со Спасителем, пытаясь, в свою очередь, спасти от него миры. Его родной мир подвергся всеобщему опустошению во время Второго Пришествия Спасителя, и лекарь Фиделис, владевший исцеляющей магией, оказался единственным выжившим, более того – он каким-то образом утратил способность умереть.

Именно его в своё время встретила Сильвия Нагваль во время своего пути к Долине Магов.

Так подмастерья узнали, что пресловутая «аномалия» связана с недавно родившимся сыном некоего ремесленника; Фиделис считал, что это – воплощающийся Спаситель. Однако, явившись к отцу ребёнка, невысоклики Фредегар и Робин выяснили, что младенец только что умер и похоронен.

На кладбище половинчики и Фиделис разрыли могилу, но оказалось, что мёртвый младенец – это ловушка, капкан, источник силы, поднимающий целый погост мертвяков.

Фредегар и Робин выдержали атаку ходячих трупов, а Фиделис каким-то образом оживил умершего ребёнка, повергнув невысокликов в шок.

Остальные же подмастерья – рыцарь Леотар, лучница Мьёлль, орки варлок Болг и воин Гронтар, радужный змей Александрос, а также гоблин и вампир – преградили дорогу воинству мёртвых, которое вёл не кто иной, как Яргохор, подпавший под власть Спасителя.

В жестоком бою погибли все подмастерья, кроме вампира; однако им удалось сбросить Яргохора в раскрытый ими провал Межреальности и разогнать его воинство.

Пролог

– Я заставлю тебя жить!

Ан-Авагар нависал над беспомощно раскинувшейся Кларой Хюммель. Чародейка была без сознания, и хотя сердце её после вливания вампирьих эликсиров билось ровнее и сильнее, смерть не отступала, бродила близко-близко, кружила вокруг Ан-Авагара и волшебницы, и вампиру чудилось, что он словно наяву видит колыхающийся чёрный балахон, под которым – выбеленные временем кости.

Левая рука Клары покоится на свёрнутом плаще, сгиб локтя раскрыт, кожа рассечена, но кровь не льётся – вену заполняет тёмная льдистая жижа, от одного вида которой дурно становится самому вампиру.

– Даже не надейся, – хрипло бросил Ан-Авагар окружавшей их темноте. – Она тебе не достанется. Никогда и ни за что.

Его правая рука по-прежнему лежала на груди чародейки, ладонь вампира ощущала упрямые толчки сердца – оно не сдавалось, изо всех сил пытаясь протолкнуть по жилам заполнивший их лёд.

Рядом на каменном полу валялись два опустошённых пузырька. Их содержимое Ан-Авагар влил во вскрытую вену волшебницы.

Первый шаг сделан; но теперь требовалась живая и горячая кровь, причём очень много. А вампир не мог заставить себя отойти и на десяток футов от неподвижной волшебницы.

Ему казалось – стоит сделать шаг за порог убежища, и смерть, прячущаяся в складках сгустившейся темноты, словно коршун, ринется на добычу.

Глаза Клары оставались закрыты, лишь губы чуть шевелились, словно с них пытались сорваться какие-то слова. Ан-Авагар невольно склонился – нет, даже его острый слух ничего не улавливал.

Будь что будет. Он всегда шёл до конца, или, во всяком случае, не колебался. Вампир вспомнил начало пути, своё первое появление в том мире, где он

встретил Клару, вспомнил крючок, на который его поймали и заставили делать то, против чего восставала даже его вампирья натура; но даже тогда он не колебался.

Не будет колебаться и сейчас. Чародейку нужно спасти.

Гномий схрон, послуживший ему убежищем, слажен был на совесть. Времянка по меркам Подгорного Племени; однако простоит она куда дольше любой людской или даже эльфийской постройки.

Вокруг возвышались дикие горы, где на много лиг в любую сторону – не встретишь ни зверя, ни человека. Ан-Авагар очень старался отыскать по-настоящему укромное место и, как сейчас он понимал, перестарался.

Вампир тщательно запер за собой дверь. Клара всё равно не очнётся, пока его нет.

Миг спустя огромная летучая мышь рванулась в неб-о.

…Он давным-давно уже так не летал, разрывая сухожилия крыльев и подгоняя себя всеми ускоряющими чарами, какие только знал. Свистел и шипел рассекаемый воздух, и сам Ан-Авагар мчал так, словно за ним гнались самолично владыка Хедин и владыка Ракот.

«Надо успеть, вот и весь сказ. Что для этого придётся совершить, тоже не имеет значения, как и твои заполошные мысли, вампир. Эйвилль Великая не одобрила бы».

Она, конечно, не одобрила бы вообще его поступок – уж если спасать, так за соответствующую долю в добыче или какой ещё прибыток. Какой вампир берётся за дело, не оговорив это с самого начала?

А тут для него, Ан-Авагара, никакого прибытка, одни протори с расходами. Взять хотя бы уже потраченные эликсиры!..

Он боялся забираться слишком далеко и тем не менее иного выхода не оставалось. Вот внизу промелькнула пара-тройка горных козлов; где-то в

нагромождении скал скрывалось логово драконейта, недодракона, отвергнутого собственным племенем и оттого особенно злобного. Вот проплыл, мерно взмахивая крылами, огромный орёл; значит, где-то поблизости должна быть и его добыча. Горные козлы с их рогами не по силам даже такой крупной птице.

Ага! Овцы! Овцы внизу!

Ан-Авагар заложил крутую петлю, камнем падая к земле.

Потому что где овцы, там и пастух.

А где пастух, там и живая кровь, без которой не поставить Клару на ноги.

* * *

Деревушка пряталась в горных отрогах, сложенные из дикого камня дома вытянулись вдоль чистого и быстрого ручья. Ан-Авагар опустился на край скалы, по-прежнему в образе громадного нетопыря, заполз в тёмную щель. Следовало дождаться ночи, но…

Но Клара могла и не продержаться так долго.

Под этим небом не должно было сыскаться сильных чародеев, ток магии здесь очень слабый, хотя и чистый, и его вдоволь. Тень закрытого мира, что поделать; здесь, однако, могут встретиться весьма искушённые маги, умеющие и со слабыми силами достичь многого, опираясь на изощрённость и сложность чар, но, будем надеяться, хоть в этом ему повезёт.

Летучая мышь вырвалась из щели, тёмной молнией рванулась над ручьём. Пронеслись под ней острые крыши, покрытые плоскими сланцами, люди, тащившиеся по единственной деревенской улице, ослики, нагруженные хворостом, собаки – лениво гревшиеся на солнце псы вскакивали, задирали морды, разражаясь яростным лаем.

Здесь нет тех, кто мог бы бросить ему вызов, почему Ан-Авагар и выбрал в своё время этот мирок. Во всяком случае, не было тогда.

А сейчас – если и появились, он успеет убраться отсюда задолго до того, как они опомнятся.

Если Клара узнает, как именно я её лечу, – точно развоплотит, мрачно подумал вампир.

Ну, значит, так тому и быть. Он исполнит свой долг, остальное не в его власти.

Летучая мышь сложила крылья, камнем падая на плечи девушке, задержавшейся у колодца.

Вампиру требовалась свежая кровь, и много.

Схваченная затрепыхалась, словно птичка в силках, забилась, закричала.

Ан-Авагар полоснул когтем по горлу, жадно припал к открывшейся ране.

Чародейка Клара Хюммель, я заставлю тебя жить, хочешь ты этого или нет.

Глава 1

Ракот Восставший; Хедин Познавший Тьму

Ракот Восставший пришёл в себя.

Его полёт – или, вернее сказать, ещё одно падение – сквозь все слои реальности и области Упорядоченного, прекратился. Давно распались и сгинули оковы; Владыка Тьмы вновь облёкся привычной плотью.

Свободен!..

– Не уловить вам Ракота Восставшего, – проговорил он не без гордости.

Его окружала Межреальность, казалось бы, привычная, хотя и какая-то блёклая, бледная и бедная.

Здесь было трудно дышать, животворной силы явно недоставало.

Но всё остальное, все атрибуты Владыки Тьмы – при нём, включая меч. Бегство удалось, хотя он по-прежнему не знал точно, кем была говорившая с ним сущность. В наиболее вероятное упрямо и как-то по-детски не хотелось верить.

Восставшему было не привыкать в одиночестве странствовать дорогами Междумирья, но на сей раз он сразу почуял неладное.

Что это за глухая заводь, где даже обычной живой магии раз, два и обчёлся?

Что за огненную реку он, Ракот, пересёк в своём падении?

Где он очутился?

Новые Маги и их глупые нападки Восставшего сейчас не занимали. Надлежало вернуться к Обетованному и Тёмным Легионам. А пока…

Он привычно воззвал к Тьме, к её эманациям, к Кипящему Котлу.

Тьма тут была. Но… хилая, истончённая, словно тень в сумерках, между темнотой и светом.

Впрочем, со светом и прочим дела обстояли не лучше.

Кипящий Котёл не отзывался. Совсем.

Словно его никогда и не существовало.

Ракот гневно сощурился, зло дёрнул алый плащ.

Этого не могло быть, однако же было.

Да, ни Котла, ни Урда, ни Источника Мимира. Медленно-медленно ползёт, словно вода в застойном болоте, животворная сила – ей неоткуда получить обновление, ничто не толкает её вперёд.

Восставший сел прямо там же, где и стоял, стиснул ладонями виски, в которых зло застучала кровь.

Если невозможное становится возможным, то или ты перестал быть тем, кто есть, или необратимо изменился мир вокруг тебя.

Если изменился он, Ракот, – значит, кто-то другой сделался и Владыкой Тьмы, и повелителем Кипящего Котла, кто-то другой обрёл власть над Мраком, кто-то другой поставил под свою руку его легионы. А сам Ракот Восставший теперь… кто он теперь?

Или же что-то поистине невообразимое случилось с Упорядоченным – все три Источника разом погибли, скажем.

…Но погибли тогда не только три Источника – куда-то, выходит, исчез и Неназываемый.

Катаклизм куда более всеобщий, чем даже ударивший под корнями возродившегося Иггдрасиля четвёртый исток магии.

Восставший сердито потряс головой. Как так? Почему? Отчего?!

Очень хотелось зарубить кого-нибудь причастного к этаким шуткам. Если это выкрутасы Новых Магов, поклялся Ракот, им не поздоровится. Ой как не поздоровится!

Или это причуды Дальних? Если это они сумели провернуть интригу с быкоглавцами и штурмом Обетованного?..

Нет, не сходится. Никто из ведомых Ракоту сильных Упорядоченного не способен был на такое.

Только если что-то не изменилось, да так, что все прежние представления о «силе» обратились в труху.

И установить это можно одним-единственным способом – добраться, ну, хотя бы до того же Кипящего Котла. Тогда многое станет ясно – для начала, кто наложил на него лапу.

В животе у Восставшего бурчало от голода; самым правильным сейчас было бы сбросить этот облик, сменить его на нечто молниеподобное, пронестись огнистым болидом сквозь Межреальность, и…

Нет, вдруг ощутил он. Здесь настолько мало живой силы, что подобные вещи, Истинными Магами проделываемые инстинктивно, безо всякой мысли, навроде того, как обычный человек поднимает руку, стали крайне трудны даже для Нового Бога.

Восставший нахмурился, повёл плечами и зашагал, как он умел – прямо сквозь Межреальность, не следуя проложенным тропам, но пролагая свои собственные. Окраинные области Упорядоченного бедны населёнными мирами. Ракот оставлял за спиной колоссальные расстояния, а вокруг расстилалась одна лишь пустота. И – пробираться становилось всё тяжелее – Новый Бог осознал, что устаёт и выбивается из сил, словно простой смертный.

Это тоже новое. Можно растратить силы, творя могущественные чары, направляя потоки магии – но не пробираясь по Междумирью!

– Куда же вы меня загнали, а?! – с яростью прорычал Восставший.

Однако ни он, ни Хедин за все бессчётные века, пока длилась их уже прошедшая вечность, не сталкивались с подобным. Были закрытые миры, но чтобы вот так вот истончилась сама животворная сила в Межреальности, вдали от всего и вся, – такого не бывало даже в самых близких к Хаосу пределах.

Дорога грозила растянуться. А ведь ещё нельзя забывать о той огненной реке… тоже невесть откуда взявшейся.

Нет, похоже, поспешать придётся медленно. Иначе ему грозит просто никуда не успеть.

Лучше всего, если он найдёт сейчас мир, где оставались бы поклоняющиеся Тьме, то есть ему; но на такую удачу рассчитывать, конечно, не приходилось.

И потому, стиснув зубы, Ракот вновь шагал и шагал, раскрывая перед собой пространство и захлопывая его, словно дверь, за спиной. Впервые он шёл наугад, не ощущая направления ни на Обетованное, ни на любой из Источников, ни на ключевые миры.

Словно всё это разом исчезло из Вселенной.

И да, требовалась пища. И силы. Живая добыча, даже если это тварь Междумирья, сгодилась бы и помогла, пусть и на время.

Но здесь даже охотиться было не на что. Вокруг Восставшего расстилались унылые равнины, где в смутном сером тумане тонул взор, не находя, за что зацепиться.

Неправильная Межреальность. В голове не укладывается!.. Да, развоплощённым и на Дне Миров Восставший тоже был отрезан от потоков силы, они не касались его даже легчайшим дуновением, но то было Дно Миров, а вокруг – окраинная, захолустная, но обычная Межреальность.

И это обстоятельство просто сводило с ума.

Где он очутился? Как отсюда выбираться? Где привычное, знакомое с первого проблеска сознания, течение живой силы? Что творится сейчас в Обетованном – если оно вообще цело? Что с Источниками? Что с братом Хедином, что с Сигрлинн? И – самое главное – что с Райной, что с Рандгрид Разбивающей Щиты?

Что, если они все?..

От одной этой мысли Восставшего пробил холодный пот.

Конечно, ему не привыкать к одиночеству, он провёл тысячу лет развоплощённым, заключённым в незримую клетку на Дне Миров, без единого слова, обращённого к нему; но после этого терять обретённое было особенно нестерпимо.

«Нет, Рандгрид. Я Ракот, чтобы одолеть меня, в прошлый раз потребовалась вся сила Молодых Богов. И сейчас я тоже не сдамся, я дойду!..»

…Он пробивался, стиснув зубы, словно простой смертный через пустыню. Сила сочилась сквозь сущее по капле, скупо, точно пересыхающий родник, и это тоже невозможно было уразуметь.

Мало-помалу даже неистовый дух Восставшего начал покрываться пеплом сомнения. Ему так не дотащиться – он бредёт почти наугад, ориентируясь по смутным следам собственного падения.

Следовало остановиться. Остановиться, разобраться, скопить силы, понять, что случилось, где Источники… и единственный способ это сделать – обосноваться в каком-то из миров.

…Мир сыскался не скоро. В тусклой серой мгле замаячило чуть более светлое пятно – отблеск небесных сфер. Это подходило – впрочем, сейчас подошло бы что угодно.

Спуск Восставшего в новый мир не отличался торжественностью. Воин в алом плаще – осунувшийся, с ввалившимися щеками, с всклокоченными волосами и запавшими глазами, но по-прежнему гордо расправлявший плечи, – он шагнул сквозь небо, оказавшись, наконец, на твёрдой земле.

Выпрямился, хрипло выдохнул, утирая взмокший лоб. Никогда ещё Владыка Тьмы не ощущал себя настолько измотанным и уставшим – даже нисхождение в мир дорого ему обошлось.

Дорого теперь обходилось вообще любое магическое усилие.

– Н-да, – огляделся Владыка Тьмы. – Нечего сказать, мир…

Он не мог терять время на бесплодные блуждания и потому постарался сразу же спускаться поближе к крупным городам. Требовались сторонники, требовались маги – Ракот сознавал, что придётся прибегнуть к долгой и правильной осаде, коль уж с налёта прорваться к Обетованному не удалось.

Мир был сер, пылен и уныл, почти ничем не отличаясь от Межреальности вокруг него.

Примученные леса и низкорослые, худородные злаки на полях. Обмелевшие реки, домишки, что едва удерживали на плечах своих стен даже нетяжёлые соломенные крыши. Дороги, грязные и разбитые, с вечными лужами, хотя по жёлтым до срока листьям казалось, что местность изнывает от засухи.

Держа чёрный меч на плече, Ракот Восставший вступил в деревушку – на горизонте уже виднелись острые шпили близкого города, судя по всему, немаленького. Обычно такие селения живут лучше других, торгуя на городских рынках, но сейчас Ракота встретила жуткая нищета. Измождённые куры рылись в мусоре, тощие свиньи, больше похожие на потерявших шерсть псов, уныло бродили вдоль единственной деревенской улицы; люди кое-как, вяло и равнодушно копошились в иссохших огородах, провожая Ракота безучастными взглядами, хотя воитель семи футов ростом, богатырской стати, не мог не вызвать интереса хотя бы у местных красавиц.

Возле деревенского колодца молча ждали своей очереди селяне с деревянными вёдрами. На Ракота лишь покосились – ну, пришёл, значит, пришёл, жди, пока мы наполним.

– Что за беда здесь приключилась, добрые люди? Война? Мор? Голод?

Всё та же привилегия Нового Бога – речь его понятна во всех уголках Упорядоченного.

Сгорбленные спины, пустые взгляды были ему ответом. Никто даже не повернулся; кто-то что-то буркнул неразборчиво, да и всё.

– Я бы хотел помочь, – проговорил Восставший. – Быть может, завёлся где-то злобный колдун? Может, правитель последние соки из вас выжимает?..

Старик, стоявший прямо перед Ракотом, только проворчал что-то, опять же, не поворачиваясь; но босой юноша, худой и загорелый почти до черноты, в простой холщовой рубахе и серых портах, устало поднял на Восставшего взгляд – в уголках глаз желтоватый гной.

– Уходи, чужеземец. Мы прокляты. Так сказали жрецы Истинного Бога…

– Ага! – усмехнулся Восставший. Это уже было кое-что. – «Истинного Бога», говоришь ты? Вы, значит, прокляты, а они, готов побиться о заклад, живут припеваючи, купаются в роскоши?..

– Нет, чужеземец, – покачал головой юноша. – Жрецы умирают первыми, они раздали все запасы, помогая тем, кто голодает. У нас-то ещё ничего, а вот в… – и он пустился в описания земель, названия которых, само собой, Ракоту ничего не говорили.

– Гм, – задумался Восставший. – Раздали все запасы, похвально. А что же боги? Они не помогают?

– Боги умирают… – прохрипел кто-то из очереди возле самого колодца. – Старые Боги, которым поклонялись раньше…

– А как же Бог Истинный?

– Служащие ему жрецы праведны, но самого его никто никогда не видел, – покачал головой юноша.

– Уж не Спасителем прозывается он? – нахмурился Ракот. Ответом ему стали лишь недоумевающие взгляды.

– Спасителем? Не, не Спасителем. У него нет имени. Он просто Истинный Бог…

– Ладно, – не стал спорить Ракот. – Но… колдуны или чародеи у вас есть? Пытаются ли как-то сладить с бедой? И, кстати, что это точно за беда? Ты так и не сказал мне, добрый человек.

– У нас, славный воин, – обернулся наконец к Восставшему старик, – всё вместе. И мор, и глад, и война. Земля не родит, люди болеют. Дети мрут, у скота падёж. Шайки бродят… грабят, последнее отбирают. А колдуны… что колдуны, такие же люди, им тоже страшно. Мы-то, старики, своё отжили, нам и так в домовину скоро, а вот детей жалко…

– А в городе, – указал Ракот, – колдуны есть?

– Есть, как не быть, – вздохнул старик. – Целое кодло у них там. Совет какой-то, иль гильдия, иль ещё как…

– Цех, – вставил юноша. – Цех Чародейский.

– А как его сыскать? Может, дорогу кто-то покажет?

– Да чего ж её показывать? – пожал плечами юноша. – Прям на главной площади, где рынок, рядом с ратушей. На ратуше две башни, а на Цехе три. Вот где три, туда и надо, да только пустое дело ты затеял, воитель…

– А вы уже все помереть готовы? – громыхнул Ракот гневно. – Разве люди могут так просто сдаваться?

– Мы не сдавались! – Что-то похожее на гнев скользнуло и во взгляде его собеседника. – Колдуны искали, жрецы искали… думали, зло какое завелось… искали-искали, так ничего и не нашли…

– А давно у вас так?

– Давно, – вздохнул старик. – Уж третий годок маемся…

Третий год, подумал Ракот. Что-то, выходит, случилось тут три местных года назад, и не только в этом мирке, но и в его окрестностях.

Три года – это если время здесь течёт так же, как и в «основном» Упорядоченном. Однако оно вполне может идти и быстрее; а он, Ракот, пробиваясь сквозь тенёта тощей Межреальности, вполне мог утратить его счёт.

– И никакого «зла», верно?

– Верно, – согласились сразу несколько мужиков. – Искали-искали, и жрецы, и король, и рыцари евоные… да всё попусту.

– Грят, мир сам помирает, – прошамкал старичок. – Последние, грят, деньки настали…

– Это мы ещё посмотрим. – Ракот поудобнее переложил чёрный меч. – Значит, Цех на главной площади?.. Что ж, спасибо, добрые люди. И погодите отчаиваться!..

– Постой, чужеземец! А ты-то сам кто? Говоришь гладко, по-нашему, словно вырос тут! – наконец решился юноша.

– Кто я? – Ракот расправил плечи, гордо вскинул голову. – Ракот. Ракот, рекомый Восставшим.

Недоумённые взгляды, пожимания плечами.

– Понятно, – вздохнул Владыка Мрака. – Я воин. Из… издалека. Постараюсь помочь, добрые люди. И – не отчаивайтесь!..

…Легко сказать – «не отчаивайтесь», да трудно сделать. Ракот миновал городские ворота – стены потрескались, створки не закрываются, перекосились, петли покрыла ржавчина. Стражу нёс всего один немолодой ветеран, уныло ссутулившийся на бочке. Пошлины за вход никто не собирал, да и у немногочисленных прохожих, судя по их виду, уже давно не случалось гроша за душой.

На Ракота стражник воззрился было, но потом только махнул рукой, что-то пробурчав себе под нос и отвернувшись.

Восставший шагал узкими пыльными улочками, где все дома выглядели так, словно хозяева побросали их годы и годы назад. Штукатурка потрескалась, ставни отвалились, окна где выбиты, где затянуты паутиной – и уныло бредут куда-то жители, уставясь себе под ноги.

Рыночная площадь когда-то, наверное, была богатой и праздничной, с обширным торжищем – от всего этого остались лишь длинные ряды, сейчас почти совершенно пустые, с покосившимися прилавками, упавшими пологами и считаными продавцами и покупателями.

Ракот только покачал головой. И направился прямиком к Цеху – над которым, в полном соответствии с описанием, вздымались три башни.

Здесь были высокие арчатые двери, украшенные тонкой резьбой, – свившиеся в клубок драконы, выдыхавшие пламя. Восставший ощутил, что ещё совсем недавно эта резьба выглядела живой – искусные чары создавали полную иллюзию рвущегося на волю драконьего огня.

Теперь же заклятие утратило силу, и остались только слабые алые отблески на отполированном металле.

Здесь никакой стражи не стояло даже для виду.

Внутри всё говорило о былых славе и роскоши: мраморные полы, выложенные причудливыми магическими символами всех цветов радуги; статуи в нишах, изображавшие почтенных седобородых магов и весьма вольно одетых чародеек (хотя их скорее следовало бы назвать раздетыми). Под высоким потолком – дивная люстра из самоцветов и хрусталя, сверкающая даже под слоем пыли.

И – никого. Тишина, запустение, мертвенность.

Ракот начал подниматься по широченной мраморной лестнице.

– Эй, есть кто живой?

Молчание.

– Есть кто живой, спрашиваю? – гаркнул Владыка Тьмы во всю мощь.

Кристаллы в люстрах и светильниках отозвались жалобным звоном.

На втором этаже в глубь здания уходил длинный широкий коридор. Стены отделаны роскошными резными панелями из чёрного дерева – запылёнными, а местами даже потрескавшимися.

– Кто… кто там? – наконец раздался старческий голос.

Медленно, со скрипом, раскрылась одна из боковых дверей, на пороге явилась сутулая фигура, опиравшаяся на роскошный посох – навершие тускло, едва заметно светилось.

– Кто-кто, дед никто! – не удержался Ракот. – Что тут у вас творится?

– Кто… такой? – всё так же скрипуче осведомился голос.

– Ракот. Ракот Восставший.

– Ракот… – Фигура застыла, обеими руками цепляясь за посох. – Ну, входи, коль пришёл, Ракот Восставший. Вижу, ты могучий воин… и недуги последнего времени тебя миновали…

– Миновали, да. Но я видел беды и разорения на пути сюда… и хотел бы помочь.

– Помочь?.. – с горькой насмешкой переспросил старик. – Увы, чужеземец по имени Ракот Восставший, это невозможно. Но… входи, входи. Делать всё равно уже нечего. Скоротаем последние мои часы в беседе, приятной, насколько это возможно. Вот только угостить мне тебя нечем, гость…

Перед Владыкой Мрака стоял тощий согбенный старик, словно сошедший со страниц книги «Кто такие чародеи и как они должны выглядеть». Длинная тёмно-синяя хламида с вышитыми на ней золотом рунами и звёздами, длинная борода, кустистые седые брови и глубоко посаженные глаза.

В общем, сразу видно – перед Ракотом настоящий волшебник.

Однако борода была космата, нечёсана и нечиста – в ней застрял какой-то сор. Мантия – не чищена, помята, обтрёпана понизу. Посох треснул и потому обмотан серой грязноватой пенькой.

– Входи, назвавшийся Ракотом, – посторонился старый маг. – Войди во скромное обиталище последнего из чародеев Майнардского Цеха!

– Как величать тебя, почтенный? – осведомился Ракот, шагнув через порог.

– Ах, могучий воитель Ракот из неведомых краёв, какая разница? Был я некогда первейшим из первых, главой Цеха и Игетисом Союза Творящих Чары, Лейстогом[1 - «Игетис» и «Лейстог» – на разных языках означают одно и то же: «лидер», «предводитель». Почтенный Марви являлся кем-то вроде главы международного союза магов.] Собрания Достойных, и прочее, и прочее, и прочее… ныне же сам видишь ты, до сколь низкого состояния докатился и Цех, и я сам!

Покой, куда старик пригласил Восставшего, некогда был столь же богато разубран, как и всё здание. Тяжёлая мебель чёрного дерева, украшенная золотыми вставками, ковры от стены до стены, витражи на окнах, хрустальные светильники…

Так было.

Сейчас же здесь, как и везде, царила пыль, подлокотники и спинки кресел потрескались, кристаллы угасли, и повсюду были кое-как приткнуты самые обычные свечки, оплывшие и покосившиеся. В углу – неряшливое ложе с грудой грязных покрывал, от которого дурно пахло.

– Зови меня Марви, могучий воитель. Прости, я не могу понять, откуда ты родом? Выговор твой чист, словно ты из самой столицы, но я не припоминаю никого твоей стати и твоего имени. Низовые бароны? Верховые графы?..

– Ни то и ни другое, почтенный Марви. Вглядись в меня повнимательнее, и ты поймёшь.

Маг подслеповато сощурился. Его пошатывало, он даже стоял с трудом, тяжело опираясь на посох.

– Прости, могучий. Мне совсем плохо эти дни. Не смейся над бедным старым магом, утратившим…

– Я не из вашего мира, – проговорил Восставший, осторожно касаясь сморщенной руки старика. – Здесь не слышали ни обо мне, ни о брате моём Хедине, но это не важно. Я поделюсь с тобой силой, чародей Марви, а ты поведаешь мне, что у вас случилось три года назад…

Старик тоненько вскрикнул, дёрнулся, затрясся, глаза широко раскрылись.

– А-а-а!.. – заверещал он, рухнул на колени, пытаясь отползти. – Ты – вы – он!..

– Успокойся, почтенный, – рыкнул Ракот. – Ты не ошибся. Я именно тот, за кого себя выдаю. Я поделился с тобой силой, ты заглянул в меня и знаешь, что я не лгу. И теперь ты, досточтимый маг, расскажешь-таки мне, что у вас стряслось. Со всеми подробностями.

– Да, да, великий… – сбивчиво бормотал чародей, кое-как пытаясь подняться – до тех пор, пока Ракот не подхватил его на руки, как ребёнка, и не водрузил на кресло. – Прости меня, великий… прости… сияние скрытого света твоего поистине ослепило меня…

– Дай ещё раз руку, – потребовал Восставший. – У меня нет с собой никаких припасов, но…

Силы вливались в измождённого мага, сгорбленная спина распрямлялась, пальцы переставали трястись, взгляд очистился.

– Слушаю и повинуюсь, великий. Ты вложил жизнь в твоего отныне и навек верного слугу, милость твоя бесконечна…

Ракот уже почти бросил «не нужны мне твои славословия!», но вовремя остановился, потому что эти «славословия» при нынешних делах очень даже могли пригодиться.

– Рассказывай, почтенный, прошу тебя.

И Марви стал рассказывать.

…Беда настала внезапно и резко, словно горный обвал. В оный день, ничем не отличавшийся от других, маги Цеха вдруг обнаружили, что привычные чары или перестали работать, или почти потеряли силу. В груди ощущалось непонятное стеснение, многие жаловались на удушье, даже молодые и сильные; в дальнейшем чувство это ушло, но прочие беды остались и мало-помалу усугублялись.

Стали чахнуть леса и посевы, скот тощал, безо всяких видимых причин отказываясь есть. Начались бунты и беспорядки, «чернь подступала даже и к самому Цеху, пытаясь призвать магов к ответу».

– Это понятно, – нетерпеливо перебил Ракот. – Видел по пути сюда, что у вас творится. Говори о том, что ощущали вы, чародеи!

– Что мы ощущали, великий? – поник головой Марви. – Магия уходила из мира, словно вода из прохудившегося меха. И вместе с ней таяли наши жизненные силы, как после кровопускания у цирюльника. Болезни, которые раньше проходили сами по себе, теперь убивали. Снадобья, экстрагированные из целебных злаков и корней, утратили лечебные качества. Магия перестала течь, перестала двигаться… Словно кто-то на реке плотину воздвиг, великий Ракот, да простит он слова недостойного слуги своего…

– Плотину, значит, да?

– Плотину, великий. Мы люди простые, чародеи смертные, однако что такое великий ток магии, знаем. И направление его определять умели.

– Хм, направление?

– Да, великий. Мы смогли установить, что магия подобно ветру и воде имеет направление тока своего…

А вот это интересно, подумал Ракот. Наверное, только здесь, на самом краю ойкумены, такое и возможно, ибо в центе Упорядоченного, вблизи Источников, магия течёт словно бы во все стороны разом, и от тебя, и на тебя. А здесь всё не так.

– Мы установили наличие трёх полюсов магии, от которых она словно бы истекает, свершает круг и возвращается в них, подобно воде, возвращающейся к нам дождевыми тучами и снегом. После же того, как обрушилась эта беда, магия двигаться перестала и полюсов мы больше не чувствовали. Мой ученик, Гримхен Хитроумный, утверждал, что сумел обнаружить и четвёртый полюс, внезапно возникший из ниоткуда, но ему, само собой, никто не поверил, слишком уж он был… хитроумный. Любил, знаете ли, присваивать себе сделанное провинциальными чародеями…

– А направление? Если есть… «плотина», значит, есть и дорога к ней?

Марви вздохнул.

– Великий, мы потратили эти три года на поиски. И получалось у нас – пока работали хоть какие-то чары, – что плотина везде, и не плотина она вовсе, но стена, нас со всех сторон окружившая. И нет в ней прорех, и непонятно даже, насколько она далеко…

– Сплошная стена? Без прорех? А как она возникла?

– Но разве великий и сильномогучий не ведает? – округлил глаза старик.

– Я очутился здесь недавно, – отвернулся Ракот. – Многое неясно даже мне. Вы, смертные, зачастую куда изобретательнее, чем кажется.

– Благодарю тебя, великий, за добрые слова, – голос Марви аж задрожал. – Но… что же нам делать? Очень скоро жизнь здесь угаснет совсем. Маги из моего Цеха разбежались кто куда… потеряли надежду. Скажи, великий Ракот-из-за-Неба, что будет? Что предпринять? И можно ли ещё?

«Тут я должен сказать что-то пафосное, что, дескать, «надежда есть всегда», – подумал Восставший. Да, надежда есть всегда – у самого сильного, самого злобного врага найдётся уязвимое место, и смертные пусть с потерями, но одолеют, жизнь возьмёт своё. А тут? Когда уходит сила самой жизни? Так, будто исчезает воздух?

– Предпринять можно многое, – тем не менее жёстко бросил Владыка Тьмы. – Сможешь ли ты собрать всех оставшихся магов твоего Цеха? Сможешь ли послать весть в другие Цеха?

– Собрать тех, кто остался в городе, – можно, – кивнул Марви. – А вот послать весть… наши шары далековидения перестали действовать, и даже твоя помощь, великий, тут ничего не изменит, – ты поделился силами со мной, я смогу наладить один шар, но кто наладит остальные?

– Понятно, – сдвинул брови Восставший. – Тогда собери, кого сможешь, Марви.

– Как будет угодно великому. – Старик склонил голову. – Но… может, потребно что-то ещё?

– У вашего Цеха было что-то вроде… ну… заклинательного покоя? Рунная магия, магия кристаллов?

– Есть, великий! – обрадовался Марви. – Как не быть!.. Он, гм, конечно же, заброшен, там, гм, пыль и паутина…

– Не важно. С пауками я как-нибудь справлюсь. Собирай чародеев, маг! У нас мало времени.

* * *

Прямой дороги к Хьёрварду больше нет. Нет и к Обетованному, и к Долине Магов, и к Кипящему Котлу, и к Источнику Мимира, не говоря уж о светлом Урде. Огневеющий Хаос ворвался в глубокие, невесть откуда взявшиеся расщелины, словно воздвигнутые Творцом барьеры внезапно разошлись.

Молчат розовые кристаллы, сюда не доходят вести ни от подмастерьев в Хьёрварде, ни от иных отрядов. Магия здесь почти не движется; обычные смертные пока не чувствуют удушья, но вот чародеи уже встревожились не на шутку.

Хедин Познавший Тьму явился перед своим воинством спокойным, ничуть не взволнованным. Выдержку сыграть не так уж трудно, он привык, маска давно

приросла к лицу. Сейчас те, кто за ним пошёл, должны видеть своего Бога знающим, что происходит и что требуется сделать. И не важно, что чувствует он сам, какая бездна разверзается сейчас у него под ногами. Да и ему, Хедину, следует больше вспоминать арсенал божественного, а не того привычного, что пришло из времён Поколения и Замка Всех Древних.

Пробившее слои Межреальности и сбросившее сюда всю его армию устройство распалось прахом. Создатели жуткой машины оказались предусмотрительны – оно дошло до барьеров Творца, до границы Упорядоченного, и разлетелось облаком пылающего пепла.

Однако и пепел хранит память пламени – зачастую куда более глубокую, чем хотелось бы. Что ж, этим следует воспользоваться. Коль скоро чародеи вроде «Кора Двейна» не гнушаются использовать все доступные средства для достижения цели, – Хедин вправе поступить с ними точно так же.

Коричневокрылый сокол взвился над местом, где разбилось диковинное устройство. Торопливый Кирвад уже вёл туда же всех, кого успел собрать из владеющих тем или иным чародейством: своих сородичей, Древних Богов родного мира, колдунов, шаманов, варлоков, заклинателей из числа смертных племён.

Не впадай в панику, Познавший Тьму, твердил себе Хедин, закладывая широкую дугу над грудой дотлевающего пепла. Случилось что-то из ряда вон, ну так вся твоя жизнь была, есть и будет таковой – из ряда вон.

Давай рассуждать логически, по порядку. Во-первых, огненный Хаос, прорвавшийся в Упорядоченное. Этого не может быть, потому что не может быть никогда, ибо соприкосновение материи Упорядоченного и того, что пребывает вечно разупорядоченным в пределах Хаоса, ведёт к взаимному их уничтожению.

Следовательно, прорвавшийся Хаос ограждён некими барьерами, сходными с теми, что и по сей день хранят Вселенную. С барьерами, установленными самим Творцом.

Во-вторых, неестественная умалённость магии. Она течёт еле-еле, силы кое-как хватает, чтобы поддерживать жизнь в его воинстве, но не хватит ни на какое серьёзное магическое воздействие.

Этого тоже не может быть, потому что не может быть никогда. Магии из Упорядоченного просто некуда деться! Не открылся же внезапно бездонный колодец, не явилось голодное до силы чудище, подобное Неназываемому!..

И, кстати, в-третьих – о самом главном. Почему и куда пропали прямые пути, почему не отзываются кристаллы, куда делись источники магии и Неназываемый? Или это делся куда-то в неизвестность сам Хедин?..

Сокол еще раз заложил круг над местом падения, хотя лететь здесь было крайне трудно – слишком близко к границам сущего, слишком сильны злые истечения Хаоса. Нет, он не сдастся, он не сдастся никогда!..

Тёмный небосклон полыхал алыми зарницами; то тут, то там сквозь плоть Межреальности пробивались огненные протуберанцы – вырожденная материя не выдерживала тяжести насочившегося Хаоса и вспыхивала очистительным пламенем, словно сама Вселенная старалась не допустить распространения заразы.

Междумирье здесь делалось тонким, едва удерживающим даже опытного чародея. Исчезала всякая жизнь, и лишь с хрустом и треском, словно льдины, сталкивались сорванные очередным огненным языком с мест пласты реальности.

Армия Хедина следовала за ним, наводя мосты через раскрывающиеся огнистые пропасти – заклятиями заставляя Междумирье вытягивать длинные языки. Войско торопилось и не считало потерь: порою люди сами срывались в пропасти, порою из бездны вырывались клубящиеся протуберанцы, слизывая зазевавшихся. Мельком Новый Бог подумал о Гелерре, о том, как она бы пригодилась сейчас с её крыльями, но адата выбрала совсем иной путь. Долго им не продержаться, конечно. Здесь не бегут ручьи и не бьют источники, и, хотя в мехах ещё хватает запасов, очень скоро они покажут дно.

Нужен будет живой мир, любой, чтобы уже оттуда потом искать дорогу назад.

Но вначале предстояла совсем иная работа – по остаткам пепла понять, что же учинили творцы сей дьявольской конструкции.

Вокруг Хедина дрогнула, всклубившись и стягиваясь в тугой шар, рассеянная сила. Её не хватало, и Познавший Тьму, поколебавшись, почерпнул её в том самом колодце, что и в день последнего штурма Хединсея, – в вере смертных.

Он словно глотнул жидкого пламени после прохладной влаги горного ручья. В жилы вливалась огненная ярость людского племени, в которой ему нет равных во всей Вселенной. Даже самые свирепые, самые упорные племена – те же быкоглавцы – уступают здесь людям.

Вера смертных дарует крылья, и она же делает воспользовавшегося ею уязвимым и зависимым. Хедину всегда хотелось этого избежать, но, видно, обходить этот закон умел один только Спаситель.

Познавший Тьму всё кружил над зачарованным местом, аккуратно огибая вставшие дыбом торосы Междумирья. Пепел, оставшийся после того, как догорели последние обломки, эманировал, и эманировал сильно. Хедин ожидал ощутить тут силу Хаоса и не удивился, когда в золе и впрямь шевельнулось нечто из-за пределов Творца; однако, помимо этого, нашлось и многое другое.

Кто-то искусно сплёл воедино множество самых разных сил, действующих в Упорядоченном. Далёкие и смутные отзвуки Духа Познания. Неопределённые отголоски Демогоргона. Силы Древних Богов и сила демонов. Отыскались даже следы Молодых Богов, Спасителя и нечто, напоминающее о седой древности, когда Поколение Познавшего Тьму ещё не отыскало дорогу к Замку Всех Древних.

Блики, отзвуки, тающие в тумане времени следы. Все – донельзя слабые, смутные, смешивающиеся; порой невозможно было понять, слышится ли эхо Соборного Духа на самом деле, или это только игра воображения. Трудно было понять, а ещё труднее – отыскать в памяти пепла сотворивших его, их лица, их помыслы, их цель… Вот именно – цель.

Хедин кружил, дожидаясь своего воинства, и с каждым мигом в нём росла и росла тревога, становящаяся острой, режущей болью.

Пока что он запретил себе думать о том, что значит «прямой дороги к Обетованному больше нет». О том, что случится с Сигрлинн и подмастерьями, с названым братом Ракотом, со всей колоссальной Вселенной, которую он был

поставлен хранить.

Не сейчас. Сейчас нельзя. Самый главный враг в эти мгновения – твоё отчаяние. Поэтому займись, Познавший Тьму, чётким и конкретным делом – разберись в остаточных эманациях на месте взрыва. Это будет не так-то просто и быстро!..

…Осаду пепельной кляксы пришлось вести по всем правилам магического искусства. Кирвад суетился, но распоряжался довольно-таки толково. Вставшие на дыбы чёрные торосы соединили мостки и лесенки, сооружённые из всего, что нашлось под рукой в лагере; колдуны и шаманы окружали место падения целой сетью своих фигур, рун и чар – а сведение всего этого вновь взял на себя Кирвад, его крутые рога так и мелькали то тут, то там.

Хедин, вернувшись в человеческий облик, мерил шагами окружность пепельного пятна, расставлял свои кристаллы – они не способны дотянуться до Обетованного, так пусть послужат хотя бы здесь!

…Мало природной силы, зато горяча в венах сила верящих в него. Хедин ловил на себе тысячи взглядов – надежда, уверенность, восторг, лихость. Мы всё преодолеем, мы всё превозможем; с нами наш бог, наш Познавший Тьму!

И он, чувствуя холод в сердце, торопился, составлял свою собственную магическую фигуру вокруг разметавшейся золы.

И когда последний из кристаллов занял положенное место, Познавший Тьму дал волю собранной мощи.

С пальцев его потекли потоки золотистого света, мягкого, словно пшеничное поле на закате. В ответ один за другим вспыхивали кристаллы, им, в свою очередь, отзывалось сотворённое смертными чародеями. Где-то чары вступали в конфликт, где-то сыпались искры, вспыхивало пламя, но главное – магия Познавшего Тьму и его смертных соратников работала.

Хедин творил подобное со своими подмастерьями, но никогда – с таким числом обычных чародеев.

Вера делала чары смертных колдунов податливыми, легко вливающимися в большое заклинание; он словно ставил друг на друга лёгкие, как пух, и почти бесплотные кирпичи.

Пеплу придётся отозваться.

Невидимый шарик пускового заклятия покатился, активируя один за другим целые каскады чар. У свернувшегося сытым питоном горизонта взметнулись новые протуберанцы, волны алого света побежали по изломанным пластам Междумирья, чернота нехотя отступала.

Пепельное пятно окружил целый рой многоцветных огоньков; вспыхивали поставленные Хедином кристаллы, туманно и зыбко, словно болотные гнилушки, светились возведённые колдунами, шаманами и Древними заклятия.

Заклятия Познания. Самые разные, соединившиеся сейчас в длинную цепь, начавшую постепенно сжиматься.

Подрагивающие блики наползали со всех сторон на тёмный безжизненный пепел; и Познавший Тьму болезненно сморщился, стоило им коснуться чуждой золы.

Она была мертва так же, как мертвы лежащие в гробах; и так же, как лежащих в гробах может пробудить заклятие некроманта, так и чары Хедина пробудили дважды сожжённое.

«Дай ответ!» – по серому пятну заскользили разноцветные отсветы. «Дай ответ!» – на их пути пепел вдруг начинал шипеть, плеваться тёмными искрами, испуская струйки дыма. «Дай ответ!» – резкие и злые толчки силы достигли Хедина, и Новый Бог, превозмогая боль, принялся вбирать их в себя.

Он настойчиво искал, словно голыми руками роясь в груде пламенеющих углей. Следы не могли не остаться!.. Никто из чародеев не может предусмотреть всего, надо только искать, искать и не сдаваться!.. В открывшемся ему яростном хаосе сил, однако, чувствовалось больше гнева, чем смысла. Ненависти, презрения, упрямства – более чем достаточно. А смысла – увы, куда меньше.

И лишь когда Хедин, словно пуская встречный пал, двинул навстречу этому жару огонь веры смертных, раскалённая мешанина стала обретать подобие читаемости.

Он ощущал биения чудовищного полуживого механизма, где были слиты бронзовые шестерни и распяленные, иссечённые ножами вивисектора живые твари. Выловленные где-то в глубинах Упорядоченного, изменённые неумолимой магией бестии оказались живой частью исполинского снаряда, боевого устройства, равного которому ещё не знало сущее.

Они были страшны и уродливы, эти существа, имевшие изначальное сродство к магии, но они были живыми; а их изловили и хладнокровно вскрыли, чтобы срастить плоть с металлом.

Страдания и боль тоже могут быть источниками силы, как и горячая, искренняя вера.

Это было важно, но Познавшему Тьму требовалось иное; и он, шипя от боли ожогов, пробивался всё глубже и глубже, к сердцевине памяти пепла. Там, под муками и отчаянием безгласых созданий, крылось самое важное – намерения творцов кошмарного устройства, способного крушить пласты Реальности.

Да! Вот они! Есть!..

Глубоко-глубоко, под многими напластованиями бессмыслицы и хаоса, крылось именно то, что он искал, – память бронзы и плоти, слышавших чужие слова, сохранивших их в ничтожнейших, казалось бы, колебаниях остаточной магии. Конечно, это не страницы открытой книги – лишь смутные обрывки, перемешанные и рваные.

Хедин видел лица – два мужских и женское, черты их кривились, искажались, и невозможно было разглядеть ничего иного – ни места, ни времени, ни подробностей.

Не слышал он и голосов. Однако сквозь творимую магию пробивались свирепая гордость и угрюмая решимость. Они не наслаждались муками, но и не скорбели по их поводу; они делали то, что считали нужным.

Человеческое, очень человеческое.

А вот и Новые Маги!.. Знакомая ещё по Северному Хьёрварду и Орде нотка. Знакомая, однако не ими вплетённая. Чуждая для людей, создававших систему, магия была приспособлена, как преобразующий компонент – не слишком изящно, но крепко и практично.

Этот капкан должен был захлопнуться, когда он, Познавший Тьму, или же Ракот Восставший, а лучше всего – они оба оказались бы в пределах досягаемости.

Но не только. Потому что просто «сбросить Хедина на Дно Миров» или в места, на него похожие, не имеет смысла.

Капкану следовало сработать только вместе с какими-то куда более мощными чарами, смутными, туманными и с самой поимкой Познавшего Тьму совсем не связанными.

Что-то грандиозное должно было случиться в Упорядоченном, чтобы всё это сработало бы, как задумывали творцы ловушки. Хаос? Огневеющий Хаос, вдруг ворвавшийся в самое сердце сущего?

Но зачем?!

Познавший Тьму искал ответ и не находил.

А меж тем в дотла сгоревшем, где шипел дым и зола плевалась искрами, что-то начинало оживать, стягиваться в узлы, прорастать жилами, набухать мышцами, одеваться бронёй; чары Познавшего Тьму вдыхали жизнь в однажды отпылавшее.

– Вы и это предусмотрели… – сквозь зубы процедил Новый Бог.

Впрочем, подобное как раз напрашивалось. Если его, Хедина, удастся сбросить в «назначенные бездны», то, ясное дело, он попытается разобраться, как оно вообще так вышло.

И ясно, что на этом пути его будет ожидать сюрприз.

Над тёмными изломами поднялись пепельно-серые гребни и иглы, тускло блеснула багряным отсветом протуберанца змеиная чешуя. Плоская голова отделилась от мрака, жёлтые мертвенные глаза уставились на Нового Бога; а затем исполинское тело заскользило, извиваясь, среди чёрных торосов реальности, сквозь дымящиеся контуры магических фигур – туда, где собралось воинство Познавшего Тьму.

В считаные секунды царственный змей покрыл две трети отделявшего его от армии Нового Бога расстояния. Пропасти и бездны были ему нипочём, он скользил над ними, словно по водной глади.

Что-то немыслимо древнее читалось в сером чудовище, выдернутое из привычного обиталища, и преданное мукам, и сожжённое, и воскрешённое магией самого Хедина...

Проклятье, когда он так близко подобрался!..

Познавший Тьму ринулся наперерез, бросив кристаллы и фигуры, рванул сотканный из искорок Пламени Неуничтожимого меч. Пославшие чудовище всё рассчитали правильно – Новый Бог не бросит своих сподвижников.

Как же мало тут силы, как же трудно творится самое простое!..

И как пригодился бы сейчас летучий чёрный зверь брата Ракота!..

Он успел – едва успел – оттолкнуть бесстрашно выступившего навстречу чудищу Кирвада. Смешной порою сильван отнюдь не был трусом.

О чешуйчатую морду змея уже сломалась не одна стрела, но созданная из пепла тварь всё ползла и словно бы росла; тело, толщиной изначально в полный обхват взрослого, сделалось как крепостная башня; кольца вздымались, словно самые высокие деревья.

В жёлтых глазах, уставившихся на Познавшего Тьму, виднелись края каких-то зубчатых колёс, словно и сам этот змей был наполовину механическим страшилищем.

– Твои создатели ошибаются, – негромко сказал Хедин, глядя прямо в блестящие буркала. – Им меня не остановить. И такие, как ты, – просто краткая задержка. Но если они, несмотря ни на что, могут меня слышать… лучше бы вам прекратить начатое. Это последний добрый совет, что я могу вам дать.

Змей выслушал всё, чуть склонив голову набок, точно и в самом деле стараясь понять обращённую речь.

А потом изгибы серого тела стремительно распрямились, тварь ринулась в атаку, но не на самого Хедина, а левее, стараясь дотянуться до смертных его соратников.

Ураган стрел, камни, копья, даже какая-то утварь – войско встретило врага всем, что было под рукой, за исключением магии.

Змей только встряхнул мощной главой – разве же его остановит обычная сталь?

Меч из Пламени Неуничтожимого сверкнул, оставляя за собой огненную дорожку; в шею чудовища ударила сорвавшаяся с лезвия клубящаяся алая волна. Серая броня почернела, треснула, разлетаясь облаком оплавленных осколков; удар Познавшего Тьму должен был снести твари башку, но вместо этого лишь рассёк чешую; обнажились жгуты мышц, а среди них – зубчатые колёса и рычаги, сращённые с живой плотью.

Кор Двейн, или как там было его истинное имя, не считал зазорным повторяться.

– Ашшш… – вырвалось вдруг из раскрывшейся пасти. – Вашшш боххх бесссилен!.. Смотрите всссе!.. Он – бессилен!..

Чьё-то копьё ударило змея между глаз, отскочило в сторону – бесполезно. А Хедина словно окатило вдруг ледяной обессиливающей волной.

– Вашшша магия на меня не дейсссствует! – Змей свивал чудовищные кольца; рана на шее не кровоточила. – Ни вашшша, ни вашшшего боххa!

Понятно. Создатели капкана предусмотрели и то, что Познавший Тьму обратится к вере в него, и сейчас пытались её поколебать.

Что ж, похоже, дело решит не только владение тонкими чарами.

Хедин, Новый Бог Упорядоченного, встал перед змеем, пламенный меч смотрит прямо в жёлтые глаза.

– Твои хозяева слабы и ничтожны, – голос его гремел, плащ развевался, вскинутый клинок яростно сиял. – Они прячутся за твоей спиной, несчастное создание, боясь схватки лицом к лицу. За все твои муки они отплатили тебе последней, конечной гибелью. Кто ты? Назови себя, чтобы я знал, кого навечно развоплощу в нашем мире!..

И вновь змей не принял вызова, вновь попытался проскользнуть мимо Познавшего Тьму; удар Хедина, нацеленный в шею, приняло на себя одно из колец, – и змей отделался лишь рассечённой чешуёй.

Сильваны и кентавры, люди и немногочисленные Древние подались назад – чудовище казалось неуязвимым. А Хедин почувствовал, как горячая сила веры, поддерживавшая его… нет, не то чтобы иссякла, но словно подёрнулась тонкой корочкой льда.

Он вновь преградил змею дорогу. Ярость поднималась внутри, разламывая нарастающий лёд.

– Тебе не уйти! – Огненный меч всё так же смотрел в жёлтые глаза страшилища.

– Никто не уйдёт, – неожиданно ясно и чисто ответил змей. – И ты тоже.

Его кольца разворачивались, существо бросилось мимо Хедина так стремительно, что глаз не мог различить его движения; однако пламенный меч вновь встретил змея на полпути, и на сей раз броня подалась сильнее.

Пламя Неуничтожимое рассекло чешую, металл и плоть, почти отделив голову от чудовищного туловища.

Исполинская туша, однако, не забилась в агонии, она начала деловито разворачиваться, одновременно удлиняясь. А змей продолжал вещать, и голос его слышало всё войско:

– Ваш бог бессилен. Он не может даже убить меня. Он обманул вас и завлёк на гибель – здесь, на задворках миров. Он…

Меч Хедина вновь взлетел, удар рассёк голову надвое, однако слова змея, неожиданно чистые и правильные, длились и длились:

– Он не бог! Он жалкий обманщик! И то, что я до сих пор говорю, – доказывает это! Он даже не может убить меня!

Ярость клокотала у Хедина в груди, однако лёд нарастал сильнее. Новый Бог задыхался, пот заливал глаза, кисть с трудом поворачивалась, удерживая меч. Проклятье… и об этом они подумали! И этой силы хотят меня лишить! И этой надежды!.. Лёд расползался, вера угасала, каждый вздох отдавался острой болью в груди.

Что смертные, угрюмо подумал Хедин, перехватывая меч. Они всего лишь смертные, трудно винить их в том, что они так легко поддаются страху, что их так просто сбить с пути. Они же не боги.

Но потому им и нужен их бог.

– Ты не пройдёшь!!! – рыкнул он что было силы. Таким голосом мог бы гордиться сам Ракот.

Меч Изначального Пламени взлетел и рухнул, и на сей раз не промахнулся; голова змея покатилась меж изломанных пластов Междумирья: тёмно-алое лезвие рубило и рубило, исторгая алое пламя, обращая мёртвую уже голову в мешанину костей, мяса и металла.

Слова змея звучали всё глуше, пока не стихли совсем; исполинское тело замерло серой холмистой грядой, протянувшись прямо над пропастями.

И рядом с ним замер, обессиленно рухнув на одно колено, сам Познавший Тьму.

Спутанные волосы мокры от пота, ноет каждая жилка. Словно… словно чем меньше веры в него, тем в нём самом больше человеческого.

Как же вы хитры, Коры Двейны… хитры, изобретательны, находчивы; но при этом и самодовольны, и самоуверенны без меры.

Потому что сейчас он уже знал.

Три размытых лица обрели чёткость, Познавший Тьму словно бы стоял у них за плечами, когда они, посмеиваясь, плели эти чары – действительно сложные, настоящий шедевр, ничуть не уступающий ловушке Игнациуса, но даже, пожалуй, её превосходящий.

Кор Двейн. Скьёльд. Соллей. Два мага и волшебница. Люди, смертные люди, такие же, каким некогда был и мессир Архимаг… люди, просто поднявшиеся очень высоко…

Но что-то не укладывалось в эту простую и логичную картину.

Изощрённость чар?

Изобретательность, тончайшая работа с силой, до какой не могли подняться даже Безумные Боги?

Это было красиво, тонко, глубочайше продумано. Неожиданные связи живого с неживым, смелая игра на противоположностях, дерзкие нарушения баланса и равновесия – всё это выдавало не просто умелых ремесленников, даже не мастеров; тех, кто не просто стоит на плечах гигантов, но сам, без сомнения, таким гигантом является.

И это наводило на размышления.

…Отдышался Хедин далеко не сразу. Всё-таки как же мало тут осталось магии…

Он так и стоял на одном колене, пока к нему, осторожно переступая копытцами, не дерзнул приблизиться Кирвад.

– Великий?.. – робко начал сильван.

– Сейчас, – глухо отозвался Познавший Тьму.

– Великий бог Хедин, что с тобой? – тревожился Кирвад. – И…

– Потом все расспросы, потом. – Хедин поднялся медленно, с трудом. Не сразу попав острием в ножны, спрятал меч. – Бой… закончен. Надо выбираться отсюда.

– Какие будут приказания, великий? – сразу же приободрился сильван.

Да. Это верно, самое главное – отдать приказания.

И не вспоминать о змее из пепла, словно его и не было.

– Собрать все припасы. Счесть. Поставить надёжную стражу. Мы двинемся… как только я свершу необходимые чары.

– Да, великий! – Кирвад уже просто сиял. – Я донесу твоё слово. Усомнившиеся будут посрамлены!

– А что… таковые имеются? Так быстро? – Слова давались с трудом. Тем более что ответ он знал и так.

Сильван смущённо потупился.

– Великий бог Хедин… не гневайся… сердца смертных слабы, иные из них, влекомые порывом, хоть и благородным, но кратким…

– Сердца смертных, Кирвад, сильнее всего в сущем.

– Да, великий. Конечно, великий. Никто не дерзнёт противоречить, великий, – зачастил сильван.

Хедин вздохнул. Да, они усомнились. Что поделать – ему предстоит ещё немало идти по этой проволоке, словно ярмарочному плясуну, сохраняя их веру, ибо и смертные, и их бог сейчас как никогда нуждаются в ней.

Вздыбленные кольца змея меж тем рассыпались серой пылью, он вновь становился пеплом, из которого и был сотворён.

Воинству Познавшего Тьму предстояла дальняя дорога.

* * *

Войско Познавшего Тьму вновь шло через Межреальность, но на сей раз – скорее влеклось или даже тащилось.

Силы становилось всё меньше, она иссякала. Сперва все в армии Хедина заметили, что магия истончилась, потом как-то привыкли, приспособились, как привыкает человек к более разреженному горному воздуху; но постепенно стало ясно, что и этого «истончённого» перестаёт хватать.

Хедин видел, с каким трудом даются чары колдунам и шаманам. Видел, как всё чаще останавливаются его бойцы, тяжело дыша, словно после долгого бега. Лучше других держались Кирвад и другие Древние Боги (вернее сказать, «божки»); но на сколько их хватит?

Тем более что, как сознавал Познавший Тьму, дорога никуда не вела. Ветры магии стихли, поток её почти остановился, не стало ни троп, ни даже направлений.

Дорога никуда не вела, но зато теперь Хедин точно знал, кто его враг.

Кор Двейн. Скьёльд. Соллей.

За этими тремя именами вставала не просто история трёх удачливых смертных магов, поднявшихся очень высоко, куда выше, чем предначертано. В их чарах Познавший Тьму чувствовал тьму веков и эпох, превосходящую его собственную жизнь, растянувшуюся на целые эоны.

Он чувствовал следы птицеглавых наставников – в элегантности и отточенности чар, вызвавших к жизни пепельного змея.

Он чувствовал властные нотки Молодых Богов – в самом полёте сквозь Упорядоченное разбившегося снаряда.

И, конечно же, он ощущал множество знакомых мотивов его собственного Поколения – начиная от зофаров Сигрлинн, авалонских муравьёв Мерлина, мягких и обволакивающих чар нежной Фелосте.

Магия Лунного Зверя. Магия Алчущих Звёзд. Магия Медленной Воды.

Обрывки, отзвуки, отсветы. Смутное эхо, преломлённое и преображённое.

Вы перестарались, зло думал Познавший Тьму. Я знаю о вас теперь куда больше, чем вам бы того хотелось. Да, я трачу силы верящих в меня, чтобы они могли идти и дышать; вы попытались убить эту веру, но опоздали.

Вместе с яркой, жгучей верой сподвижников пришёл и гнев, более достойный Ракота.

Нет такой преграды, что нам бы не удалось проломить. Я нырнул в бездну Неназываемого и вернулся, так неужто нас остановят теперь какие-то «разломы Хаоса»?

– Великий бог Хедин?

Кирвад осторожно заглядывал Познавшему Тьму в глаза.

– Да простит меня великий бог, но… я – и другие Древние – стараемся ободрять воинство, и…

Познавший Тьму шагал в голове войска, словно простой воин, разом и творя путь, и делая так, что на тропе можно было дышать.

– Число колеблющихся умножается? – не поворачивая головы, бросил Хедин.

– Н-нет, не так, чтобы очень, великий… но и не очень, чтоб так!

– Понятно, – усмехнулся Познавший Тьму. – Говори им – мы идём штурмовать преграду, какую не штурмовал доселе ни один из смертных или бессмертных. Мы уже победили Спасителя. Мы взяли верх над магами-ренегатами, их замок уничтожен. Наше нынешнее положение – просто ещё одна ступень перед

конечной победой. Я здесь, я со своими верными и никогда не покину их!

– Верно! – вскричал Кирвад, воспламенившись. – Всем надо славить великого Хедина! Славить денно и нощно!.. Я возглавлю!.. Я зачну!..

И сильван умчался, мотая рогатой головой и топоча копытцами.

Вскоре многочисленные голоса и впрямь затянули торжественный гимн – в его, Хедина, честь, – а сам Познавший Тьму ощутил, как кровь становится горячее в жилах.

И часть этого жара ему удавалось пустить на сгущение вокруг той самой животворной силы, коей так не хватало его воинству. Он, как мог, прокладывал короткую дорогу. Решительный натиск – даже с потерями – куда лучше долгой осады.

Тем не менее настораживало – а где сейчас и чем заняты Орлангур с Демогоргоном? Неужели ничего не заметили, не почувствовали, не обратили внимания? А если заметили – то почему молчат? Помнится, Золотой Дракон удостаивал Познавшего Тьму разговорами по куда менее значимым поводам. А тут такое – невесть откуда взявшиеся реки Хаоса!..

Но ни Дух Познания, ни Соборный Дух себя не обнаруживали. И редкие миры, что оказывались на пути, выглядели словно деревья глубокой осенью – тусклые, облетевшие, полубезжизненные. А ведь там сейчас тоже очень плохо, думал Хедин, хмурясь. Я поддерживаю воинство их собственной верой, трансформируя её, – а как же там? Но, с другой стороны, помочь им я могу, как можно скорее убрав все преграды, а для этого надо идти вперёд, и только вперёд.

Плотину можно только взорвать. Нет времени искать сложные обходные пути.

Время тянулось томительно. Великая река изрядно замедлила тут своё течение; в иных мирах, похоже, и вовсе почти остановилась, пока в Межреальности проходил день – там успевали миновать годы.

И Междумирье здесь умирало тоже – Хедин никогда не видел настолько опустошённых, безжизненных областей. Остатки хищных лесов рассыпались

серым прахом, чудовища погибли, густые многоцветные заросли увяли и лежали бурыми грудами – они совсем не могли выживать без потока магии.

Познавший Тьму лишь мрачнел и всё торопил и торопил воинство.

…Он ощутил барьеры задолго до того, как они преградили путь. Межреальность снова сделалась совсем раздробленной, фрагментарной, словно кто-то исполинским цепом раздробил слои реальности на множество мелких осколков; чтобы проложить по ним тропу, их следовало ещё собирать.

Если бы не вера воинов – Познавшему Тьму пришлось бы совсем худо.

Да, преграда близка, и да, за ней – Хаос. Привычный, знакомый, тот самый Хаос.

Хаос тот же самый, да, а барьеры перед ним – что, неужто и они тоже воздвигнуты Творцом, изначально отделившим от него Упорядоченное?

Вблизи от них, случалось, в материальный мир просачивался Хаос – и после бездны Неназываемого Хедин понимал почему.

Однако даже проникнув в ненавистную вселенную, Хаос не мог развернуться – сгорал в постоянно тлеющем пламени, поддерживаемом ветрами силы, таял алыми сполохами в черноте Межреальности.

А здесь барьер удерживал его полностью.

Познавший Тьму не поверил ни собственным чувствам, ни собственным глазам. Но элементарные заклятия поиска (потребовавшие, однако, совсем не рядовых усилий) явили то же самое – Хаоса не было.

Крышка гроба заколочена прочно и качественно, всем на зависть.

Да, ничто не проникнет извне, но и ничто не выберется изнутри.

Могила, а над ней – даже не каменная плита, но целый горный хребет.

Воинство Познавшего Тьму остановилось, повинуясь его команде. Дальше идти не было смысла – «плотина» рядом, исполинская, необозримая и невидимая.

Разбитое вдребезги Междумирье обернулось тучей мелкой пыли; исчезли последние намёки на реальность. Магия возле самой стены двигалась самую малость быстрее – сказывалась близость безумного Хаоса, – но недостаточно, чтобы Познавший Тьму прекратил бы поддерживать своё воинство.

Прорыв. Только прорыв. Там, за огненной рекой до предела разупорядоченной материи – остальное Упорядоченное. Туда надо прорываться, да так, чтобы остался мост, соединяющий эту несчастную область с материнским пространством; не хватит никакой веры смертных, чтобы спасти отрезанные непонятными чарами миры – да и всю остальную вселенную, где без него наверняка творится Орлангур ведает что.

У него, Хедина, будет только одна попытка. Это стало ясно, едва Познавший Тьму прикинул мощь требуемых чар, ещё даже не зная, как именно он станет их складывать и налагать.

Это вам не пепельного змея из золы вызвать…

Только одна попытка – даже самой горячей, самой искренней веры в него не хватит на большее.

– Кирвад! Разворачивай лагерь. И помните – ни шагу за пределы! Там ничего нет, ни опоры, ни тяги, ни дыхания. Даже вам, Древним Богам, там делать нечего.

– Да, великий Хедин, – потупился сильван. – Мы пытались высунуться… В конце концов, негоже сидеть на шее великого бога, мы же Древние, как-никак! Да только ничего не вышло. Не удержаться даже, не говоря уж о том, чтобы путь проложить. Словно кость дубиной раздробило, в пыль, ничего не осталось.

Познавший Тьму кивнул.

– Поэтому мне потребуетесь вы все. Я оповещу воинство, скажу своё слово. Мы или прорвёмся, или… – Он махнул рукой.

– Никаких «или», великий бог! – возмутился Кирвад. – Мы всё превозможем! Всё преодолеем! Ведь с нами великий Хедин, и мы – его верные!..

– Да, Кирвад, – с каменным лицом ответил Познавший Тьму. – Всё именно так. Мы всё преодолеем.

Сильван поклонился, церемонно помахав шерстистой рукой.

Ишь, поскакал… Ну, пусть его. Знание, как известно, должно даваться по способности его усвоить.

Глава 2

О?дин, Отец Дружин; Фредегар и Робин, подмастерья Познавшего Тьму

– Великий О?дин, Отец Богов. – Человек, высокий и стройный, гордо откинув голову, стоял перед Старым Хрофтом. Глаза говорившего полнил белый огонь. – Правильно ли я понял? Ты готов вести воинство Древних Богов? Готов сразиться и повергнуть узурпаторов, разрушителей равновесия?

За ними негромко шелестел листвой исполинский Иггдрасиль, священный ясень; вокруг поднимались стены Асгарда Возрождённого, и замерли полукругом за спиной Отца Дружин остальные Асы. У ног негромко журчал ручей, выбивавшийся из-под корней великого древа, – четвёртый Источник магии в Упорядоченном, нарушивший стройную систему трёх вершин – светлого Урда, тёмного Котла и не имеющего цветов ключа Мимира.

– Именно так, посланец Дальних, – кивнул Старый Хрофт. – Моё слово нерушимо. Ты привёл воинство, и теперь я готов возглавить его. У тебя есть сомнения, почтенный?

В слепых белых глазах ничего не возможно было прочесть.

– Ты только что… не был среди живых, Древний Бог О?дин.

– Я вернулся, – невозмутимо объявил Отец Дружин. – И теперь готов.

– А остальные? – указал кивком на других асов посланник.

– Остальные останутся. Им предстоит совершить иное.

– Что ж, тогда… – Казалось, Дальний колеблется. – Ты отыщешь Хедина и Ракота?

Старый Хрофт молча кивнул.

– И дашь им бой?

Вновь кивок.

– И победишь?

– Конечно, – пожал плечами Владыка Асгарда. – Уж не думаешь ли ты, посланник, что я пытаюсь увильнуть от собственной клятвы?

– Что думаю я – не важно, Древний Бог О?дин. Важно лишь исполнение твоего слова.

– Веди, – резко бросил Старый Хрофт, шагнув вперёд.

Зиявшие на его груди раны закрылись, словно пламя, порождённое Локи, без остатка пожрало и пролитую кровь, и разорванную плоть.

Они так и вышли за могучие врата Асгарда, туда, где терпеливо ждала армия, собранная Дальними.

Да, на неё стоило поглядеть.

Со всех концов Упорядоченного, из дальних и ближних миров явились Древние, пробуждённые потоками новой силы, возвращённые к жизни, выползшие из логов и пещер; удивительные, причудливые – великаны и карлики, создания уродливые и совершенные, почти не отличающиеся от людей и абсолютно на них не похожие. Их ряды растянулись; Древние терпеливо ждали, хотя смирением мало кто из них отличался.

Здесь под спудом кипела древняя магия, давно забытые и злобные заклятия готовы были сорваться и воплотиться.

Ибо Дальние поистине постарались, приведя сюда, к Асгарду, самых яростных и неукротимых Древних, тех, кому хватило хитрости избегнуть карающей длани Ямерта и кто тысячелетиями копил ненависть – ко всем, кто «наверху», из-за кого они, Древние, пребывают в полузабвении, из-за кого их алтари перестали обагряться жертвенной кровью.

Самые изворотливые и в то же время – самые голодные до драки, до боя, истосковавшиеся по мести. Хель по сравнению с ними показалась бы матерью Милосердия, волк Фенрир былых времён – образцом кротости, а, к примеру, старые ётуны – идеалом дружелюбия и гостеприимства.

Да, Дальние постарались.

Этому воинству потребуется много, много живой горячей крови.

Но воину не пристало жаловаться на остроту меча, даже если он подобрал чужой клинок в пылу схватки.

Владыка Асов сражается тем, что есть.

Старый Хрофт вскинул руку, и с пепельных небес в его длань послушно соскользнула белая молния. Кажется, посланнику Дальних стоило немалых усилий не выдать своего удивления.

Зато взоры всех Древних обратились на Владыку Асгарда. Молния трещала и извивалась в его кулаке, словно невиданное, до самых туч протянувшееся вервие, точно живая змея, отчаянно пытавшаяся вырваться.

– Внемлите мне, братья! – глас Отца Дружин пронёсся над равнинами Иды, и теперь уже посланник Дальних не пытался скрыть удивление – совсем не так должен был говорить тот, кого только что выдернули из-за края смерти с развороченной грудью.

– Внемлите! – гремел Старый Хрофт, и своего он добился – ему внимали. – Мы идём в бой! В бой, столь же славный, как и Боргильдова Битва! Мало кто из вас там был, но все её помнят – поле осталось не за нами, но великую честь сыскали все, бившиеся там! Сейчас враг пред нами ещё более грозный – тем больше будет наша слава! Пойдём и победим!

Глотки взревели в ответ. Кто потрясал когтистыми лапами, кто распустил щупальца, а кто и вскинул зачарованный меч, долгие века дожидавшийся света в глубине лесного укрывища.

– Всё приготовлено, Древний Бог О?дин, – вставил посланец Дальних. – Припасы, караван – всё. Осталось только двинуться.

Старый Хрофт не удостоил его ответом. Разжал ладонь, и молния, словно выпущенная на волю птаха, исчезла в низких облаках.

– Идём, – не поворачиваясь, бросил Отец Дружин.

– Да, дядя, – немедля отозвался Фенрир.

* * *

– Оставайтесь здесь. – Старый Хрофт стоял перед собравшимися Асами. Фригг обнимала мужа, прижавшись головой к его плечу; Сиф повисла на Торе, остальные асы и асиньи тоже разбились парами. – Оставайтесь здесь. Вы нужны тут, а там, куда иду я, – будете лишь помехой. Не для того я вырвал вас из серых царств, не для того вернул вам самость, чтобы вновь потерять!..

– Но, владыка! – Локи учтиво склонился. – Старший брат мой названый, быть может, мы окажемся…

– Быть может. Но сберечь вас – важнее. Помните пророчество вёльвы, помните слово о Рагнарёке?

Асы переглянулись. Как же такое забудешь!..

Сурт едет с юга

с губящим ветви,

солнце блестит

на мечах богов;

рушатся горы,

мрут великанши;

в Хель идут люди,

расколото небо[2 - «Старшая Эдда», «Прорицание вёльвы», стих 52. Перевод с древнеисландского А. Корсуна, редакция перевода М. Стеблин-Каменского, «Библиотека всемирной литературы», т. 9. М., 1975.].

– Мы верили, что так будет. Так не стало, руны судеб причудливо смешались. Новый Иггдрасиль простёр свои ветви, а под его корнями – новый источник магии, неведомый нам. Пророчество вёльвы всё ещё живо. Оставайтесь здесь, дети мои. Храните Асгард. Наполните его жизнью. Ожидайте моего возвращения. А если появится Гулльвейг, Мать Ведьм… выслушайте её речи со вниманием и осторожностью и ответьте, что, дескать, без хозяина Валгаллы ничего ни решить, ни сделать не можете. Всё ли понятно? Тебе, Тор, старший мой сын? Тебе, Фригг, супруга моя?

– Мне ясна воля твоя, супруг мой, – склонилась асинья.

– Тебе, Локи, младший названый брат мой, я поручаю дела хитрости и изворотливости. После Боргильдовой Битвы мы знаем – спасует сила, но превозможет в конце концов хитрость, ибо не грубой силой одолел я врага и не грубой силой же вырвал вас из узилища.

– Я исполню всё, великий Ас Воронов, – с непривычной торжественностью склонился бог огня.

– Всеотец, свекр мой… – робко заговорила прекрасная Сиф, – неужто ты оставишь нас во тьме невежества, свершив столь невероятное, лишь тебе, Великому, под силу?..

– Повесть моя будет длинна, невестка, – усмехнулся Отец Дружин. – И я непременно поведаю её вам. По возвращении. А пока – прощайте! И берегите Асгард…

И вот теперь длинная колонна Древних шла сквозь Междумирье, а впереди всех – Отец Дружин рядом с Фенриром. Чуть приотстав, шагал и посланец Дальних.

– Скажи мне, Древний Бог О?дин…

– Уж не намерен ли ты следовать за нами до самой битвы? – усмехнулся Старый Хрофт. – Уж не приставлен ли ты ко мне надсмотрщиком, посланец? И, коль это так, отчего бы тебе самому не возглавить воинство? Зачем тебе я?

– Равновесие, Древний О?дин, равновесие. Несмотря на всю важность нашего предназначения, мы должны соблюдать законы. Чем точнее, чем сбалансированнее всё будет исполнено, тем ближе к идеалу получится конечный… – Посланец оборвал речь.

– Ага, – усмехнулся Отец Дружин. – Молодые Боги, помнится, сами сражались только в первой вой-не, когда мы с ними переведались в Боргильдовой Битве. А потом всё больше чужими руками. Вы тоже, выходит? А вот помнится, когда Хедин сидел в осаде на острове своём, ваши тоже вышли переведаться. Зелёные колонны, каменные воины, помнишь ли такое, посланец? Вы тогда ещё души исторгали… Славная была битва![3 - См. роман «Гибель Богов», с. 448–450. «…Свитая из зелёных призрачных спиралей колонна Дальних внезапно изогнулась, подобно змее, бросающейся на добычу, её отверстый зев накрыл Хрофта…»] Теперь, значит, другие времена настали?

Посол ответил не сразу, словно безмолвно с кем-то посоветовавшись.

– Тогда были другие времена, Древний Бог. К цели – идеалу – ведёт много путей, они должны быть соответствующим образом испробованы. Мы не пытались вас остановить, мы лишь разворачивали ваш путь в должном направлении…

– Хитро, – ухмыляясь, покачал головой Старый Хрофт. – Дрались мы тогда, помнится, насмерть – а это, выходит, всего лишь «направление пути» было. Ну, ладно, так – так так. Да, а души-то!.. Что вы с ними-то делали? Теперь уж, наверное, можно сказать, коль мы с вами в одном строю?

– У нас было много путей, – холодно повторил Дальний. – В том числе и с душами. Мы… исследовали и изучали… нельзя ли их использовать в построении конечного и идеального. Начинали с душ сильных и смелых, кому доставало силы противостоять нам.

– И что же? Что вышло?

– Древний Бог, это не имеет отношения к нашему делу. Я не брал обязательства отвечать на все твои вопросы.

– Разве так ведут себя союзники, вместе идущие на смертный бой? – пожал плечами владыка Асгарда.

– Что изменит для тебя мой ответ? – с неожиданным раздражением бросил посол.

– Доверие. Это слово тебе неведомо, досточтимый?

– Доверие… – В заполненных белым огнём глазах не мелькнуло тени выражения. – Мы пробовали оживлять наши… конструкты… вселением душ смертных… тогда это представлялось хорошим способом достижения цели без излишних затрат.

– Без излишних затрат? – Старый Хрофт поднял бровь.

– Именно. Упорядоченное конечно, конечно и заключенное в нём. Наше предназначение требует точного расчёта. Чем меньше ошибка, тем ближе к идеалу. Но оказалось, Древний Бог, что подобные конструкты ненадёжны, души в них не находят равновесия, пребывают в постоянных возмущениях…

– Я бы на их месте тоже возмутился.

– Да нет же, – поморщился Дальний. – «Возмущение» – в смысле «отклонение от равновесия». Конструкты теряли управляемость и в конечном итоге распадались. Мы отказались от них, как и вообще от исторжения. Идеал требует идеального, а души оказались весьма далеки от идеала, недаром смертные – главное препятствие на пути создания… – Он вновь осёкся. – На пути исполнения нашего предназначения.

– Отрадно, – отрывисто бросил Старый Хрофт. – Помнится, мне под вашей… э-э-э… под вашим… в общем, под той зелёной призрачной штуковиной было ой как невесело.

– Сожалею, – холодно отозвался посланец. – Тем не менее непоправимого ущерба ты, Древний Бог, не понёс.

– Тем не менее это последнее предназначение ваше, движение к идеалу…

– А чего ты хотел, Древний Бог?! – с неожиданной горячностью вдруг заговорил посланец. – Тебе неведомо, что свой конец есть у всего? Даже того, что выглядит вечным и неизменным? Жизнь человеческая кажется бесконечной с точки зрения мотылька-однодневки; и точно так же она – краткий миг по сравнению с бытием эльфов; ну, а их жизненные сроки бледнеют рядом с возрастом самого Упорядоченного. Но свой конец встретит всё. И ты, Древний, и мы – говорящие с тобой сейчас. Мы лишь стремимся, чтобы этот конец стал новым началом, а не именно «концом», бессмысленным и безжалостным.

– Новым началом? – пожал плечами Хрофт. – Что такое «начало» – каждый понимает по-своему…

– Новый Творец. – Дальний глядел прямо перед собой, в глазах пылало такое пламя, что освещало дорогу перед ними. – Новый Творец, идеальный, свободный от недостатков нынешнего. Новый Творец, который даст жизнь новому Упорядоченному. В котором потом появимся мы – в должное время. И так – без конца. Каждый следующий Творец – чуть ближе к полному и абсолютному идеалу.

– Звучит, – с неопределённым выражением протянул Отец Дружин. – А что же случится, когда Идеал будет достигнут?

– Идеал будет существовать поистине вечно, – отчеканил посланец.

– И вы…

– Мы станем не нужны и прекратим быть, – последовал холодный ответ. – Это и есть наше самое главное, величайшее предназначение. По сравнению с ним всё остальное совершенно ничтожно.

– Что ж, красиво, да. – Отец Дружин оглянулся на следующее за ними воинство Древних. – Не думаю только, что вот им это следует знать.

– Совершенно согласен. Как и твоему волку не следовало бы.

– Это не «мой волк». Это мой названый племянник.

– Не важно. Так куда же проляжет твой путь, Древний Бог? Ты должен сразиться с Хедином, и…

– Наилучший способ вызвать Познавшего Тьму на бой – это атаковать его любимый Хьёрвард, – невозмутимо проговорил Отец Дружин. – Хедина даже не надо будет искать. Он сам явится к нам.

– Ты уверен?

– Абсолютно. К тому же мы ничего не теряем. Хьёрвард – здесь, рядом, прямо под нами, даже крюк не сделаем. А там – храмы Хедина, крипты поклоняющихся ему, он же всегда был очень чувствителен к потерям тех, кто ему служит. Непростительно чувствителен для бога, позволь мне сказать.

– Выглядит разумно, – настороженно проговорил Дальний.

– Чем ты рискуешь, посланец?

– Ничем, ты прав. Что ж, как ты верно сказал, Древний Бог, – доверие. Доверюсь и я тебе.

…Рать Древних шла равнинами Иды, приближаясь к тому неширокому разрыву Междумирья, за которым им предстоял спуск в Хьёрвард. Фенрир скользил рядом со Старым Хрофтом, мягко, бесшумно, как умеют только волки.

Ох, как же алчут крови те, что позади… Он, волк, чуял это всем существом, чуял их неистовую жажду – им всё равно, кого грызть, рвать и терзать. Трудно будет Асу Воронов сделать так, чтобы рвали и грызли они тех, кого надо, а не кого попало и всех подряд.

Да, вот только поглядеть на них!.. Вот, пожалуйста, Крокорр Кровавоклювый – тварь, некогда бывшая, наверное, птицей. Десяти футов ростом, весь покрытый зеленоватой чешуёй, из-под которой кое-где торчит оставшееся от перьев остьё. Уродливая башка с тремя глазами – третий аккурат в середине узкого лба, над длинным загнутым клювом тёмно-алого цвета, словно в запёкшейся крови. Вперевалку ступают обманчиво короткие лапы с когтями, как добрые кинжалы, тащится позади хвост, увенчанный внушительной костяной шишкой. Крокорр умеет подманивать жертвы, напуская колдовской туман, а потом долго мучает их, наслаждаясь ужасом и бессильными мольбами; до бессловесного зверья он не опускается, ему подавай человечину. Ему поклонялись лесные племена, порой даже не знавшие огня; они ходили набегами на селения пахарей, захватывали юных дев и отдавали на съедение своему кровожадному божку – он же взамен гнал в их силки и сети всяческих лесных обитателей.

Милейшее создание, подумал волк.

И другие: Нирдрус, сухопутный кракен; Белстуаннир, змеедева-вампирша; Заррос, земноводный броненосец, Отец Василисков, поражающий взглядом, – все шагают, ползут, перепрыгивают, и у каждого в горле клокочет: «Кровь! Кровь! Много! Очень много!»

«Ненавижу их всех, – вдруг подумал Фенрир. – Ненавижу, потому что сам был таким, потому что сидел в цепях, лелея планы мести, а потом…

А потом мне дали свободу. Вернули, точнее сказать.

И я поумнел».

Посланец Дальних после необычной для него разговорчивости погрузился в мрачное молчание.

– Хр-хрр-фыррш, – вдруг раздалось позади. – Кхрр-кхуда хырр-фырр идём? Где, хрр, еда?

– Скоро будет, – не оборачиваясь, бросил Отец Дружин. – Ты, Крокорр, наешься до отвала, это я тебе обещаю.

– Хрр-фышш, хор-хоррошо!

«Интересно, каков ты в бою, – мелькнуло у Фенрира. – Как бы то ни было, я никогда не убивал беззащитных и не имеющих шанса спастись, даже на охоте…»

Так, а это что ещё такое впереди? Что это за запах?.. Мертвечина? Нет, не просто мертвечина, а… а…

Волк напрягся, чутко принюхиваясь и прислушиваясь. Что это за следы? Что за воинство прошло здесь? Не живое, это точно… Мёртвые! Да, верно, мёртвые! Широченная полоса – здесь прошли мёртвые души! Ведомые… ведомые… странный какой, будто знакомый запах…

– Великий Ас, – прорычал Фенрир вслух. – Всеотец, преклони слух к…

– Говори, племянник. И без этих словесных красот. Что ты учуял?

– Здесь прошло великое воинство, громадное, воинство мёртвых, облечённых мёртвой же плотью. Прямо туда, на Хьёрвард!

– Похоже, – не без иронии заметил Дальний, – тебя кто-то опередил, Древний Бог О?дин. Интересно, покажется ли там Познавший Тьму, как ты уверял? Или его следует всё-таки искать в иных местах?

– Войску – стой! – вместо ответа прогремел Старый Хрофт. – Хвалю, племянник. Что ж, давай посмотрим…

Смотреть пришлось недолго. Даже простой колдун или шаман из смертных сразу определил бы «дорогу мёртвых», широкий след, оставленный тысячами и тысячами неживых ног. Они шагали сквозь Межреальность, втаптывая в прах её обитателей, кто не успел удрать куда глаза глядят.

И шли они прямо на Хьёрвард.

– Ты не мешкаешь, – услыхал волк бормотание Старого Хрофта, но кто этот «не мешкающий», спросить не решился.

– Прекрасно, – громко провозгласил Отец Дружин. – Значит, Хедина сюда уже приманивают другие. Нам не придётся терять время. Вперёд, по следу!..

* * *

– Впереди – кровь, – предупредил Фенрир. – Живая кровь, немного, но… кровь, смешанная с магией.

Они были уже у самого Хьёрварда.

– Провал, – нахмурился Отец Дружин. – И воинство мёртвых… разбрелось, уведено, сбито с пути…

– Дорогой ценой, – проворчал волк.

Он замер над телом рыцаря в некогда сияющих, а сейчас залитых высохшей кровью доспехах. Неподалёку от него застыла девушка с луком, тоже мёртвая.

– Магия… – Фенрир взглянул на Старого Хрофта.

– Сподвижники Познавшего Тьму. – Владыка Асгарда склонился над погибшими. – Это была славная битва – они достойны воссесть на почётных местах в Валгалле!

– Но кто мог их сразить? – удивился волк. – Если это ратники великого Хедина?

– Что ты чуешь, племянник? – Они замерли возле глубокого провала в ткани реальности.

– А чего тут чуять? – вместо него пожал плечами Дальний. – Здесь шла армия мёртвых, и вёл её их Водитель. Даже не надо ничего и вынюхивать.

– Водитель Мёртвых? Яргохор? – поразился Отец Дружин. Брови его сошлись.

– Он самый, – пренебрежительно отозвался посланец. – И шёл он прямо в Хьёрвард; только, как видно, не дошёл.

– Эй! Грррр! Ты, сыть, назад! – зарычал и клацнул зубами Фенрир – Крокорр уже подбирался к телу девушки, алчно прищёлкивая клювом.

– Фрхщ! – Крокорр нависал над волком, хлопая всеми тремя глазами. – Тр-рупп! Мяс-со! Фрхщ! Пр-роп-падает!

– Тебя не спросили, петух-переросток, – оскалился сын Локи.

Древний с известным недоумением вглядывался в Фенрира, у которого шерсть на загривке встала дыбом.

Старый Хрофт выпрямился, властно поднял руку.

– Этого добра впереди будет много. А доблестно павших в бою до?лжно предать погребению, дабы они могли войти в залы Валгаллы!..

– Ты хочешь задерживаться? – недовольно осведомился посланец Дальних.

– Дела чести не могут задержать, – бросил в ответ Старый Хрофт, не поворачивая головы.

…Они нашли и остальные тела. Радужный змей, пронзённый чудовищным клинком, на самом краю чёрной воронки; орк с огромной секирой. Два пепельных пятна, память пламени помогла: тут сгорели ещё один орк и гоблин.

И следы ещё одной жизни – мормата – исчезали в воронке.

– Они захватили Яргохора с собой… – прошептал Отец Дружин.

– И частью разогнали мёртвых, – подхватил рыскавший вокруг Фенрир.

– Но часть последовала и за ним…

– Однако доберётся до него ещё не скоро, – закончил волк.

Старый Хрофт кивнул.

– Но сперва… – Он нагнулся над уложенными в ряд телами. Орк-секироносец, рыцарь и лучница, руки сложены на груди, и у каждого – его оружие, чтобы было чем потешиться, когда придут в Валгаллу. Радужный змей подле них – он тоже достоин залов Всеотца.

Покрытые морщинами ладони Одина осторожно, нежно коснулись по очереди лба каждого из погибших; побежали язычки колдовского пламени, стремительно охватывая тела.

– Пусть лёгок будет ваш путь! – Отец Дружин воздел руки над клубящимся огнём, стремительно пожиравшим мёртвую плоть, а вместе с ней – и оружие с доспехами. – До встречи в Асгарде, за радужным мостом, в весёлой Валгалле, где вечен пир, и вечна охота, и вечна битва!

Волк вопросительно глянул на О?дина – Валгалла же пуста! – но, само собой, возражать не стал.

– Ну, а теперь мы можем двигаться дальше? – холодно осведомился Дальний. – Тем более, как я понимаю, эта армия не добралась до Хьёрварда, следовательно, Познавшего Тьму ожидать там нет смысла?

– Они не дошли, а мы дойдём, – решительно отрезал Отец Дружин. – Ты никому не веришь, посланник, это плохо. Вы никогда не умели ладить с союзниками, как я погляжу.

– Зависит от союзников, – недовольно заявил посланец. – Ну, давай уж куда-нибудь, Древний Бог О?дин! Только чтобы не стоять. Ты теряешь время, причём наше, а не своё.

На скулах Отца Дружин набухли желваки.

– Войску – марш! – проревел он, и колонна Древних тронулась дальше.

* * *

…Неупокоенные лопались, словно перезревшие груши.

Невысоклик Робин рвал тетиву лука так часто, как только мог. Фредегар, его соплеменник и товарищ, скручивал тугими незримыми жгутами силу, направляя её следом за пробивавшими плоть стрелами; она, эта сила, наполняла полуразложившиеся тела, словно худой мех, и разрывала на части.

Они трое – двое половинчиков и лекарь Фиделис – прижимались к стене храмового кладбища в Хедебю, торговом граде на южной оконечности Восходного Хьёрварда.

Прижимались к стене, а на них катилась волна неупокоенных. Восстал весь обширный погост, волна за волной накатывались на подмастерьев Хедина, но пробежать последние два десятка футов не удавалось никому.

Лекарь Фиделис застыл, прижимая к груди ребёнка, глаза закрыты, губы едва заметно шевелятся.

От него тоже волнами расходилась сила, но совершенно иной природы, нежели от Фредегара.

Фиделис никого не рвал в клочья, не разносил и не обращал во прах. Словно блики заходящего солнца играли на мягко колышущейся водной глади, спокойные и умиротворяющие. День закончен, исполнены труды, и можно, устроившись на завалинке, выкурить трубочку-другую, глядя, как носятся над полем стрижи.

Всё хорошо, всё спокойно.

Спокойно…

У Робина в колчане оставалась едва ли полудюжина стрел, когда набегавшие мертвяки стали подозрительно пошатываться, замедляя и замедляя шаг. На изуродованных, обезображенных тлением лицах стало появляться странное выражение, словно из-под страшных масок смерти проявились истинные облики, как при жизни, в счастливые её моменты.

Бег их останавливался, ряды неупокоенных замирали. И вскоре уже целый сонм их застыл, покачиваясь, устремив невидящие взоры в пространство.

Робин опустил лук, Фредегар устало уронил руки, не в силах даже утереть пот.

– Ныне же отпускаю вас, – негромко проговорил Фиделис. – Мир да покой, да сон спокойный, и никто не потревожит вас больше. Спите, родные!..

Один за другим мёртвые опускались наземь, не валились, как подкошенные, а именно опускались, словно укладывающиеся спать люди, вымотавшиеся за день от нелёгкой работы.

Укладывались, и тела их распадались лёгким белым пеплом, взлетавшим и опускавшимся, словно пух.

Вскоре им был покрыт уже весь погост.

И воцарилась тишина.

– Велика ж твоя сила, лекарь… – пробормотал Робин.

– Не в силе дело, – печально вздохнул Фиделис. – Этих несчастных вырвало из сна злое чародейство против их воли. Баланс был нарушен… сильно и резко. Я восстановил. Но, друзья, если бы не вы – я не успел бы ничего. Лекарь без воина – ничто. Нужно было дозваться, чтобы услышали, пробиться сквозь голодную злобу… Если б вы не дали мне времени – все словеса пропали бы даром.

– Но, во всяком случае, здесь наше дело сделано, – по-хозяйски огляделся Фредегар. – Кладбище упокоено, опасности для других нет, можно уходить – ты собирался вернуть ребёнка мастеру Яану, почтенный?

Фиделис кивнул.

– А потом?

– Потом мы должны будем остановить Спасителя, друзья мои. Я, неразумный, только теперь понял, что мне надлежало сделать с самого начала… – Он досадливо покачал головой. – Как говорится, добрым словом и добрым клинком можно добиться куда большего, чем одним лишь словом или мечом по отдельности.

– Остановить Спасителя!.. Но как? – не удержался Робин. Они втроём выбирались с погоста; вокруг не осталось никого живого, жрецы давно сбежали.

– Ты думаешь, у меня есть план, мой добрый невысоклик? – усмехнулся Фиделис. – Я не великий всезнающий маг, увы. Я немало бродил по мирам, да, но самое большее, чего добился – это отсрочки «спасения» нескольких миров. Но и это требовало времени – я ведь просто говорил всем, кто хотел слушать, что не надо бояться, что мы – люди и не только, смертные и бессмертные – если перед кем и виноваты, так друг перед другом, а не перед какими-то иномировыми силами и богами. Мы можем спасти себя сами, здесь и сейчас, а не в неведомом посмертии. Точнее, и посмертие наше будет подобно самой нашей жизни, ибо превыше всего в сущем – Справедливость, и ошибается тот, кто полагает, что от неё можно сбежать.

– И всё? – разочарованно протянул Робин.

– У меня нет волшебного слова, – развёл руками Фиделис. – Только знание. Спаситель не приходит туда, где его не ждут, где не просят их «спасти», где защищают себя сами. И это значит, друзья, что нам предстоит жестокая драка.

– Как на кладбище? Но ты же, почтенный, упокоил их всё-таки очень быстро!

– Я уже сказал – если б не вы, меня бы разорвали на куски, – бледно улыбнулся лекарь. – Такие фокусы не повторить по щелчку пальцев. Драться, увы, придётся не только и не столько с мёртвыми… Спаситель очень торопится, отсюда и тот поход армии павших, которую пытаются остановить наши друзья; а здесь, в Хьёрварде, нужно остановить тех, кто раскручивает панику, кто призывает Его.

– Втроём? – деловито осведомился Фредегар. – Это хорошо, это славно. Ученикам великого Хедина только такое и пристало!..

– Нельзя спасти того, кто не хочет быть спасённым, – не слишком понятно ответил лекарь. – Если слишком многие воззовут к Нему – мы с вами ничего не сделаем. Ну, может, выведем из Хьёрварда горстку тех, кто окажется рядом.

– А сейчас? Что же сейчас?

– Вернуть младенца. – Фиделис заглянул в лицо мирно спящему ребёнку.

– А потом?

– Ну я же не всеведущ, – беспомощно вздохнул лекарь. – Пойми, храбрый Робин, желание жить и сражаться – само по себе оружие. Уныние и отчаяние – увеличивают силы врага. Я всюду, где мог, старался распространить собственное слово… Но… – Он развёл руками.

– Понятно. «Будем драться», – невозмутимо кивнул Фредегар. – Как ты сказал, почтенный, добрым мечом и добрым словом.

* * *

Отец Дружин точно знал, что будет дальше. Подмастерья Хедина погибли не напрасно, Яргохору потребовалось некоторое время, чтобы выбраться из той пропасти, куда его сбросили.

Однако же он выбирался – с помощью последовавших за ним мёртвых воинов. Вернее, он даже не выбирался, он настойчиво пробивал себе дорогу – прямо под небеса Хьёрварда.

Думала ли ты, альвийская оружейница Айвли, чем обернётся выкованный тобой меч, какую лавину потянет за собой?

И где ты сейчас? Чем занята? Хорошо бы посмотреть тебе в глаза, спросить – довольна ли ты? И кто помогал тебе сотворить такой клинок – клинок, обернувшийся новым Иггдрасилем?

Армия Древних шагала по облачной земле, высоко над туманами мира – а впереди горизонт набухал багровым. Яргохор не тратил время зря.

И не скрывался. Возмущение в окружавших Хьёрвард магических потоках его армия вызывала изрядное, не спрячешь.

Войско Водителя Мёртвых готовилось пронзить небеса, словно ржавое копьё, иззубренное, источенное временем, но от этого не менее смертоносное.

И ведь как точно выходит, подумал Отец Дружин. На Хедебю и Бирку, на большие, богатые торговые города, от которых смерть и ужас покатятся по всем окрестным землям.

Зачем это Спасителю, понятно. Зачем это Яргохору – совсем нет. Если только он вновь не тот Водитель Мёртвых, только и знавший, что сопровождать отжившие души к пределам царства Хель.

Старый Хрофт покосился на посланца Дальних. Тот равнодушно скрестил руки на груди, всем видом показывая – заканчивайте, мол, с вашими делами.

… – Они спускаются, Великий Ас. – Тяжело дыша, волк Фенрир стоял перед Отцом Богов. – Прямо на равнины к северу от Хедебю. Уже пронзили небо. Проходят облака. Дикий Гон, как он есть.

Владыка Асгарда кивнул.

– Идём навстречу. Прямо в лоб.

– Э, э, то есть как это «в лоб»? – всполошился Дальний. – Сражаться надлежит с Хедином! Или хотя бы с Ракотом.

– Они подоспеют, – сквозь зубы уронил Отец Дружин. – И чем сильнее будет заварушка здесь, тем быстрее всё случится. Наша цель не победить, наша цель – нашуметь. И как только Хедин будет здесь… это куда лучше, чем гоняться за ним по всему Упорядоченному. Тем более что собранных тобой, досточтимый посланец, Древних требуется кормить, и кормить живой плотью. На травку они не согласятся.

Посланец кисло пожал плечами и отвернулся.

…Потоки клубящихся облаков вдруг ринулись с небес на землю, длинные языки туч лизали склоны холмов, вершины деревьев; и из-за серо-белой завесы ряд за рядом появлялись приведённые Старым Хрофтом Древние.

Ноги и лапы попирали твердь Хьёрварда; скользили по траве бронированные брюха ползающих; развернулись крылья летучих созданий; гордо засверкали доспехи тех, кто избрал себе облик, схожий с человеческим.

Земля задрожала и застонала, пронёсся ветер, в небе кипели облака, не в силах успокоиться; люди в ближайших деревеньках кто бежал, кто прятался, но большинство всё-таки схватилось за оружие.

Ударили тревогу в баронских замках, на высоких стенах и башнях затрубили рога, дружинники занимали места у бойниц, расхватывая копья, заряжая арбалеты, – видно было, как, разворачиваясь широкой цепью, воинство Древних Богов выступает навстречу неведомому неприятелю.

А впереди шагал седоусый и седовласый воин, рядом с которым трусил громадный – в холке с коня ростом – серый волк.

За плечами старого воина клубился, развеваемый ветром, видавший виды тёмно-синий плащ.

А перед воинством Древних набухал, словно кровью, алым низкий закатный горизонт.

Он лопнул, когда О?дин и его войско миновали невысокую гряду холмов и начали спускаться в речную долину; впереди маячило прибрежное селение,

бабы с ребятишками уже успели уйти, а мужчины, напротив, готовились обороняться, выставив охотничьи рогатины.

Фенрир предупреждающе зарычал – Крокорр алчно защёлкал клювом, Нирдрус распустил щупальца, завидев перед собой вожделенную живую добычу. Да и остальные Древние как-то нехорошо заволновались, задвигались, заворочались, явно намереваясь устроить нечто вроде пикника.

Отец Дружин вновь вскинул длань, и серые небеса послушно опустили в его ладонь слепящую молнию. Грянул гром, но ещё громче раздался его глас:

– Вы! В деревне! Уходите, уходите все, немедля! Это говорю я, Владыка Асов, О?дин, Всеотец, Старый Хрофт, Хозяин Валгаллы!..

Но и после этого деревенские не побежали, не бросились наутёк – уходили с достоинством, не сложив оружия.

– Едва ли это разумно, – недовольно заметил посланец Дальних. – Древним нужна кровь, особенно перед боем.

– Будет им кровь, да не такая, – не повернул головы Старый Хрофт. – Смотри!..

– Да. Вижу, – вгляделся Дальний. – Армия мёртвых во главе с их Водителем. Ничего необычного, Древний Бог О?дин. Нам нужен Хедин, а не эти… куклы.

– Куклы? Чьи?

Дальний не удостоил Отца Дружин ответом.

Небо перед ними набухало, снова взвихрились потревоженные облака, разрываясь и выстилая дорогу воинству мёртвых.

И впереди всех шагал он.

– Яргохор, – гневно прищурился Старый Хрофт.

Высокая фигура в чёрной броне башней поднималась над блёкло-серыми рядами мёртвых – неразличимых, со стёртыми, утратившими черты лицами.

– А хорошо ж его попятнали, – рыкнул Фенрир, державшийся подле Отца Дружин.

Да, доспехи Водителя Мёртвых, казалось, прошли жестокую битву – местами пробиты, местами погнуты, местами стальные пластины отвалились, обнажая черноту под ними, бестелесную, жуткую.

Из разорванного неба мёртвые выходили шеренга за шеренгой, лились неиссякаемым потоком. В руках их появилось и оружие: длинные иззубренные пики, целый лес их поднимался над ровными рядами.

Мёртвые разворачивались вправо и влево широким расходящимся и раскрывающимся веером.

Сколько их явилось сюда? Тысячи? Десятки тысяч?

Там, где они ступали, травы оборачивались чёрным прахом; приречные вётлы обречённо задрожали.

Вот уже целая лига перекрыта рядами мёртвых; вот две; всё дальше и дальше оттягивались правое и левое крылья воинства Яргохора, охватывая с боков спускавшуюся к воде рать Старого Хрофта.

– Еда, фщхр-хр? – осведомился Крокорр.

– Не сейчас, – зарычал Фенрир. – Смотри, кто на нас идёт!..

– Еда-а… – продолжал тянуть Крокорр. Кракен рядом с ним одобрительно захлюпал и забулькал.

– Всеотец… – хрипло воззвал волк.

– Там, впереди! – откликнулся О?дин, и так, что услыхали его все Древние. – Там, впереди, добыча! Живые кровь и плоть, много! Очень много!

Фенрир застыл как вкопанный, шерсть вздыблена. Что речёт Всеотец? Какая еда? Откуда? Впереди – полубесплотные призраки, а что вещественного на них и есть, так совершенно несъедобно, как старая-престарая кость, вырытая из могилы.

Но Владыка Асгарда лишь простёр длань – и волк недоумённо втянул воздух: ветер наполнился запахом живых; ощущение тёплой живой крови распространялось окрест, пробуждая самое древнее и злобное, от чего так долго – веками одиночества – пытался спастись сам Фенрир. От мёртвых шеренг теперь совершенно не веяло отсутствием жизни, прахом или тленом.

– Как?! – прохрипел Фенрир.

Отец Дружин то ли услыхал, то ли догадался – обернулся, усмехнулся.

– Вперёд!

Обгоняя волка, тяжело топая, Древние лавиной повалили вниз по склонам, к реке.

А за ней заклубился туман, скрывая растянувшуюся мёртвую армию, однако его рвал в клочья налетевший свежий ветер, и это был ветер жизни. Он дул прямо в лицо войску Старого Хрофта, он нёс запахи живых, теплоту крови, и этого было достаточно, чтобы свести с ума всех подобных Крокорру.

Ни та ни другая армии не сворачивали. Яргохору было незачем – крылья его воинства, скрытые поднявшимся туманом, уже отделялись от главных сил, расходясь всё шире, и Старый Хрофт заскрежетал зубами, потому что мёртвые воины Водителя добрались до какого-то хутора, чьи обитатели не успели бежать.

Крики их отзывались болью глубоко в груди Отца Дружин, в затянувшихся, закрывшихся, но не излеченных до конца ранах.

Мертвецы начнут сейчас растекаться, как вода, по окрестностям, убивая всех, на кого наткнутся.

Мёртвые души, лишь слегка прикрытые мёртвой же плотью. Их уже не так много, как изначально – ученики Хедина дали настоящий бой, – но всё равно, Водитель Яргохор легко восполнит недостаток; к его услугам любой погост Большого Хьёрварда.

Отец Дружин в эти последние мгновения перед схваткой чувствовал, как перед ним раскрывается сейчас весь этот мир, изначально его собственный мир, самый близкий к Асгарду.

Мир, в который успела вползти смертельная зараза.

Сердца предавшихся Спасителю короткими и злыми толчками гнали в жилы Хьёрварда отраву – страх, ужас, бессилие, сменяющиеся лихорадочным упованием на чудо, на спасение, любой ценой и как угодно.

Кто-то проповедовал Его слово. Кто-то молился казнился и каялся и призывал Его. О походе Яргохора – не называя этого имени – кричали проповедники на площадях и рынках; отзвуки их воплей, причудливо смешиваясь, катились волной, неслышимые, конечно, для простых смертных, но не для Отца Дружин.

Словно назойливое зудение комариного роя, их голоса плыли над миром, сливаясь, разделяясь и сходясь снова. Адептов Спасителя оказалось немало; а вот где же Он сам? Ведь должен был бы воплотиться, верно?

Но тут размышления Старого Хрофта прервал неистовый рёв. Крокорр оголодал окончательно и решил, что пришла пора действовать.

* * *

Половинчики Фредегар и Робин с лекарем Фиделисом, так и державшим на руках сладко спавшего младенца, стояли в воротах дома мастера Яана. Перед ними застыли сам мастер и его супруга – бледные, женщина напуганная и заплаканная.

– Мой сын… – в горле мастера клокотало, – мой сын умер честной смертью и погребён по всем обрядам. Мы все хоронили его. А теперь – ты говоришь – как?

– Я лекарь, – негромко и даже как-то виновато проговорил Фиделис. – Конечно, никто не может вернуть к жизни истинно умершего, это не под силу даже богам. Но ваш сын, мастер Яан… он умер не просто так, не от болезни, нет! Он был злодейски убит и душу его опутали тёмным чародейством. Как ни удивительно, но порой творящий зло вершит и благо, сам того не подозревая – вот как здесь. Мне удалось вернуть душу обратно в тело… а возродить плоть только что умершего для искусного лекаря хоть и трудно, но не невозможно.

Женщина судорожно вцеплялась в рукав мастера. По щекам одна за другой бежали слёзы.

– Разверни ребёнка, фру Орвендоттир. Взгляни на него. Ты узнаешь, непременно узнаешь!..

– Это чародейничество, чёрное, некромантское! – аж подался назад мастер Яан. – С того света не воротишь! Мерзкого кадавра принёс ты нам, злодей! Ввёл бедную жену мою во смущение!.. Проваливай отсюда, пока жив, пока старшие мои тебя стрелами не утыкали!.. Идём, жена! – властно бросил он.

Марта Орвендоттир пошатнулась, протянула руки к растерянно замершему Фиделису.

– Ты… ты не лжёшь?

– Опомнись, женщина! – рявкнул мастер Яан. – Это некромаги, злокозненные чародеи, и всякий добрый человек бить их должен смертным боем!..

– Это ещё кто кого побьёт! – обиделся Робин. – Эх, мастер Калессон! Мы-то к тебе эвон как, думали, обрадуетесь, а вы…

– Прочь! – завопил ремесленник. – Эй, вы, там, стрелы!..

Фредегар, хвалясь умением, крутнул перед собой недлинный меч. Пущенная кем-то не слишком умелая стрела со звоном отлетела в сторону.

– Это неправильно, – тихо проговорил Фиделис. – Не умножай зло, мастер Яан, не отталкивай собственное дитя!.. Ты сам не знаешь, чему открываешь врата!..

Дзинь!.. Не желавший ни в чём отставать от Фроки, Робин, в свою очередь, отбил пущенную стрелу – любимой сковородкой Фредегара.

Фроки решительно потянул лекаря за плащ.

– Уходим! Пока тут и в самом деле не полилась кровь!.. Не за тем нас слал сюда великий Хедин!..

Фиделиса им пришлось чуть ли не силой вытаскивать за ворота.

– Но как же… но почему же… – недоумённо бормотал он. – Я думал – они обрадуются…

– А они перепугались до смерти, – проворчал Фредегар. – И вообще, я бы уносил отсюда ноги подобру-поздорову. Никто из наших, ушедших задержать армию мёртвых, не даёт о себе знать, и не могу сказать, что мне это нравится!

– Мне тоже, – поддакнул Робин. – Что же ты теперь с ним хочешь делать, почтенный лекарь?

Фиделис вздохнул.

– От него все отказались. Это – судьба, а её оттолкнуть опасно, даже нам с вами, друзья, у кого есть дар магии. Малыш останется со мной.

– Но как же ты намерен… – удивлённо начал Роб, однако Фроки дёрнул его за рукав:

– Тихо ты! Слышишь?!

Все трое замерли прямо посреди улицы.

– Сильное возмущение магии, совсем рядом… – проговорил Фредегар.

– И не прячутся совсем, – добавил Робин.

Отзвуки чужой магии разносились далеко, наверное, по всему Хьёрварду.

– Наоборот, даже хотят, чтобы все знали – они здесь.

– Да кто «они»-то? – взмолился Фиделис. – Кто не прячется?

– Древние Боги, – отчеканил Фредегар. – Сюда явились Древние Боги.

* * *

Крокорр мчался, вздымая тучи пыли, вниз по пологому склону, а за ним, совершенно потеряв голову, рванулось и всё воинство, собранное Дальними.

Бегающие и летающие, прыгающие и ползающие – причём последние не уступали первым, – они все мчались вперёд, алча дотянуться до лакомой плоти, размахивая руками и лапами, хоботами и щупальцами, тряся жалами и иными смертоубийственными орудиями.

Фенрир, хоть и облизнулся непроизвольно, оставался со Старым Хрофтом.

– Всеотец… надолго их не обманешь. Там же сухие кости, где глодать даже мне нечего!

– Вот-вот, – недовольно объявил Дальний, тоже державшийся поблизости. – Каков в этом смысл? Пусть этот, как его, Водитель Мёртвых Яргохор – верно? – делает тут, что хочет. Это, если верить тебе, Древний О?дин, только скорее привлечёт сюда Хедина!

– Вы вручили мне командование вашим войском, а сами не верите и на ломаный грош, – скрестил руки на груди Отец Дружин. – Иди и верши дело сам, посланец!

Тот лишь отвернулся.

Орда Древних ворвалась в приречную деревушку; тяжеленные бронированные туши разносили стены, обрушивали на себя соломенные и тёсовые крыши, но в жажде своей добраться до живого мяса не обращали на это внимания. Летучие

создания взмыли в воздух, наполняя его шелестом крыл; сверкало оружие, извлечённые из-под лесного или болотного спуда мечи, секиры, косы, палицы, некогда начарованные, волшебные, а теперь по большей части – просто старая, хотя по-прежнему острая (или тяжёлая) сталь.

Деревню Древние разнесли по брёвнышку, на её месте осталась лишь груда развалин, изломанные нижние венцы, прикрытые размётанными крышами. Закипела вода в реке, взлетели фонтаны брызг, кое-где пролегли ледяные мосты – не всем Древним хотелось мочить ноги.

Неглубокую речку едва всю не расплескали; но вот и она позади, и воинство Древних Богов покатилось теперь уже вверх по склону, навстречу мёртвым шеренгам.

Отец Дружин, Фенрир и посланец Дальних остались на другом берегу.

– И что теперь?

– Теперь, посланец, мы увидим, так ли хорошо твоё воинство. Если оно не справится даже с какими-то там мертвяками, то куда ж ему против могучего Хедина!

– А могучий О?дин будет просто стоять и наблюдать? – кисло осведомился Дальний.

– Ты увидишь, – посулил Старый Хрофт.

Расстояние между армиями стремительно сокращалось. Две силы шли лоб в лоб, готовые давить, рвать и втаптывать во прах.

Завыл ветер, небо быстро темнело, тучи закрутились водоворотами, синяя молния отвесно рухнула прямо в ряды мёртвых воинов Яргохора.

Кто-то из Древних предпочитал своё мясо хорошо прожаренным.

Плети тугого ливня хлестнули по неживым шеренгам, и каждая дождевая капля оборачивалась острейшей ледяной иглой.

Захлюпала земля под ногами, рукотворная топь начала было засасывать в себя ступившие на неё ноги воинов Яргохора, тех, хоть в малой степени облёкся плотью.

А вырвавшийся вперёд всех Крокорр нацелился ни много ни мало на самого Водителя Мёртвых.

Чёрный клинок Яргохора описал широкую дугу, свистнул лихо и убийственно, но Древний, с невероятной для такой туши ловкостью пригнулся, перекувырнулся, и чешуйчатый хвост с тяжеленной шишкой обвился вокруг ног великана в стальной броне; щёлкнул тёмно-багровый клюв, ловко поймав на лету тёмный клинок; когти сомкнулись вокруг запястий Яргохора, задымились, заискрили, по железному доспеху побежали вверх алые огнистые змейки.

Водитель Мёртвых не ждал этого, споткнулся, тяжело рухнул на колени, и даже чёрный меч вывернулся из его ладони.

Справа и слева от них Древние Боги врезались в шеренги мёртвых, разя и клыками, и когтями, и клювами, и магией. Утробный рёв смешивался с хрустом, давно отжившие своё кости ломались и лопались под ударами каменных глыб, вспыхивали, оплетённые сетью молний; их поддевали широкие рога, черепа разлетались в пыль под копытами; строй Яргохорова воинства начал ломаться, дрогнул, даже кое-где подался назад.

– Ну, хорошо ли моё воинство?.. – самодовольно начал Дальний.

Кракен Нирдрус оплёл щупальцами полдюжины мёртвых воинов, окутался зеленоватыми клубами ядовитого дыма, и воители Яргохора, хотя плоти на них было мало, зашатались, в нём оказавшись. Крокорр, свалив Водителя Мёртвых – на которого тотчас кинулся целый сонм существ поменьше, – решил, что его дело сделано и пора позаботиться о себе. Одним прыжком оказался в самой гуще напиравших мертвецов, ломая о чешую иззубренные пики, ловким клевком перекусил самого неудачливого скелета напополам.

Повсюду Древние Боги теснили и напирали, где-то крутились огненные смерчи, где-то ползли удушливые клубы дыма, где-то из земли поднималась ядовитая поросль. Кто-то уже нетерпеливо глодал костяки, ничего вокруг не видя.

«Сколько Всеотец ещё сможет их обманывать?» – беспокоился Фенрир, переступая с лапы на лапу. Его так и тянуло самому броситься на горло Яргохору, азарт битвы клокотал в глотке глухим утробным ворчанием, но волк не сдвигался с места. «Как только скажет Ас Воронов», – твердил он себе.

Совершенно исчезнувший было под живой шевелящейся кучей Древних Яргохор вдруг начал подниматься, стряхивая повисших на нём. Он стряхивал – и топтал. Топтал и рвал голыми руками, давил и плющил; безоружный, весь покрытый тёмной жижей – не поймёшь, то ли его собственная «кровь», то ли чужая – он расшвырял нападавших. Доспехи его местами обратились в решето, местами проржавели, на шлеме появилась огромная вмятина – живому такой удар разнёс бы весь череп.

Крылатая нимфа, вся в розовой и фиолетовой чешуе, повисла на предплечье Водителя Мёртвых, руки её оборачивались корнями, оплетали наручье, проникали под броню, и сбросить её Яргохору не удавалось. Тёмная прорезь шлема повернулась, словно бы с удивлением, а потом левый кулак того, кто звался когда-то Ястиром, обрушился на голову нимфы, обратив её в кровавое месиво. Яргохор швырнул обмякшее тело себе под ноги, нагнулся, зашарил слепо, словно пытаясь найти в мешанине тел свой чёрный меч. И тут на него накатила вторая волна Древних, понявших, кто есть главный враг; крылатое существо, смахивавшее на гарпию, но жуткое, сморщенное, сгорбленное, с когтями, тонкими, но изогнутыми, словно рыболовные крючки, вцепилось в него сзади.

Меж тем Крокорр, похоже, уже начал давиться малоаппетитной добычей. Ошарашенно затряс трёхглазой башкой, заперхал и закхекал, и тут ему в спину и плечи ударило сразу три или четыре мертвецких копья, оголовки окутаны серым туманом; Древний завыл, вскидывая голову и распахнув желтоватый от костяной пыли клюв.

И повсюду вдоль линии, где кипела схватка, Древние останавливались, таращились остолбенело, словно не в силах понять, куда же улетучилась такая желанная, такая сочная и аппетитная живая добыча, оставив вместо себя лишь призраки да немного сухих костяков?

Яргохор мигом ощутил перемену. Вскинул наконец найденный меч, вытянул его, указывая вперёд; мрачный и низкий вой прокатился над полем боя, шеренги мёртвых качнулись, наставляя пики.

– А вот теперь – пора, – негромко проговорил Отец Дружин. – Идём, племянник.

– По воле Аса Воронов! – зарычал волк. – Ас-гар-р-р-д!

Дальний не двинулся с места, остался стоять, где стоял, подняв меч.

Старый Хрофт бежал, но бежал неспешно, ровно, словно никуда особенно и не торопясь. Внутри разгоралась ярость, сперва холодная, но по мере того, как всё громче и отчаяннее звучали вопли разрываемых на куски селян – отряды Яргохора, отделившись от главных сил, не теряли времени даром, – тем жарче становился гнев.

«Я сотру тебя с лица земли, кем бы ты ни был в прошлом, пусть я и помогал тебе когда-то. Я уничтожу тебя, несмотря на общий наш путь. Кем бы ты ни был, сейчас ты – слуга Спасителя, и этого довольно!..»

Они подбежали к речке, Отец Дружин повелительно взмахнул рукой, и вода послушно покрылась льдом.

Фенрир аж головой покрутил – Владыка Асгарда вернулся из смерти куда сильнее, нежели был.

Быть может, разочаровавшись в качестве добычи, оголодавшие Древние и повернули бы назад, может, даже обратились бы против обманщиков; может, в былые времена тот же Ястир, ещё не сделавшийся Яргохором, попытался бы так и развернуть дело; однако нынешний Водитель Мёртвых лишь гнал своё воинство вперёд и вперёд.

Пики упёрлись в чешуи и броню. Острия погружались в плоть. То, что заставляло траву жухнуть и рассыпаться золой под ногами неживого воинства, вливалось в раны; заревел от боли и ярости Крокорр, взмахнул лапой с чудовищными когтями, ломая древки копий; клацнул его клюв, третий глаз вспыхнул багровым, и ближайшие четверо мёртвых воинов Яргохора повалились наземь грудой раскатившихся в стороны костей.

Кракен не отставал, он успел лишиться кончика одного из щупалец и теперь обливал всё вокруг изумрудно-зелёной кровью, словно там у него была медь, а

не железо. Остальными щупальцами он хватал и крушил в пыль надвинувшихся скелетов, не обращая внимания на одну за другой вонзавшиеся в его плоть пики. От них по телу головоногого начинали расползаться чёрные пятна гниения, потянуло жутким зловонием, но разъярённый Древний ни на что не обращал внимания.

И другие воины Старого Хрофта тоже не побежали. Взбешённые натиском, распалённые голодом, они выплеснули ярость на атаковавших; битва вспыхнула с новой силой; призраки тоже пустили в ход магию.

Навстречу спускавшимся с небес огненным смерчам во множестве поднимались копья серого тумана, колышущегося, подобно полю под ветром. Серая хмарь принимала в себя ярость огня, наваливалась со всех сторон, давила, душила; иные призраки сбрасывали жалкую мёртвую плоть, обретённую в Диком Гоне, сливались, сплетались руками, образуя некое подобие огромной сети, и медленно, неспешно, словно несомые лёгким ветерком, надвигались на Древних.

Отец Дружин и Фенрир оставили позади ледяной мост через реку; а впереди, вновь расшвыряв своих противников, во весь огромный рост выпрямлялся Яргохор.

Водитель Мёртвых выглядел совсем неважно. Шлем украшали три внушительные вмятины, смотровую щель перекосило и почти закрыло; исчезли оба наплечника, и кольчатый хауберк свисал неопрятными лохмотьями.

Нагрудную кирасу испятнало мелкими дырами, пропала левая часть поножей, но чёрный меч был по-прежнему в руках, и сами руки – в латных перчатках.

Яргохор, конечно, их заметил. Заметил и двинулся навстречу, перешагивая через неподвижные тела и вперяя взгляд прямо в Отца Дружин.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

«Игетис» и «Лейстог» – на разных языках означают одно и то же: «лидер», «предводитель». Почтенный Марви являлся кем-то вроде главы международного союза магов.

2

«Старшая Эдда», «Прорицание вёльвы», стих 52. Перевод с древнеисландского А. Корсуна, редакция перевода М. Стеблин-Каменского, «Библиотека всемирной литературы», т. 9. М., 1975.

3

См. роман «Гибель Богов», с. 448–450. «…Свитая из зелёных призрачных спиралей колонна Дальних внезапно изогнулась, подобно змее, бросающейся на добычу, её отверстый зев накрыл Хрофта…»

Купить: https://tellnovel.com/nik-perumov/orel-i-drakon

надано
Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: Купити